

ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ РУССКОЕ

издательский дом
ФЛЮИД
FreeFly

Елена Долгопят

Русское (сборник)

ИД «Флюид ФриФлай»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Долгопят Е.

Русское (сборник) / Е. Долгопят — ИД «Флюид ФриФлай», 2018

ISBN 978-5-906827-60-9

В рассказах Елены Долгопят мистическое сочетается с реальным, современное – с историческим, а глубокий психологизм классической литературы – с изысканностью литературы модернистской. Там, где пересекаются вселенные Чехова, Набокова и Борхеса, – рождаются эти удивительные, ни на что и ни на кого не похожие рассказы.

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-60-9

© Долгопят Е., 2018
© ИД «Флюид ФриФлай», 2018

Содержание

Записки о Юре и Клаве	6
Наука	21
Сны. Рассказ-исследование	24
Русское	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Долгопят Русское (сборник)

© Е. Долгопят, 2018

© ИД «Флюид ФриФлай», 2018

* * *

Записки о Юре и Клавде

1989, декабрь, 28

По бетонной тропе можно было дойти минут за двадцать, Юра тратил около сорока, а то и побольше, потому что непременно сходил с тропы, усаживался на поваленный ствол, прятал в карман перчатки, закуривал.

Иногда он слышал чьи-то шаги, человек проходил, на объект или в городок; знакомые здоровались, а иногда не замечали и проходили мимо, он не окликал. Однажды он увидел на своем излюбленном месте молодую белокурую женщину. Она сидела, подняв воротник черной цигейковой шубки. В пальцах ее дымилась сигарета.

Юра прошел мимо. Не выдержал и оглянулся. Женщина смотрела застывшими глазами. Лучше бы не оглядывался.

Вышел из леса к городку. Нащупал в кармане пропуск. От КПП сразу направился в столовую.

Очередь. В основном офицеры (их шинелями был забит крохотный гардероб). Стояли, переговаривались. Их звездочки и пуговицы мерцали на темном сукне. Офицеры шутили, подавальщицы им улыбались, очередь продвигалась медленно. Юрий взял сметану, можайское молоко, жареную картошку с рыбой, черный хлеб.

Офицеры позанимали все места. Юра оглядывался растерянно с подносом в руках и вдруг заметил худенькую девушку за дальним столиком у стены и вспомнил, что видел ее когда-то давно – в институте. Подошел и спросил:

– К вам можно? Вы тоже по распределению здесь?

– Ой, да, я тоже, – и она его вспомнила и обрадовалась знакомому лицу. – Меня сначала в Ярославль, а теперь сюда. Что вы стоите? Садитесь. Я так рада, знакомого человека увидела.

Имен друг друга они не знали.

Сидели, ужинали, никуда не спешили. Она сказала, что у нее в комнате еще две женщины, старухи, одна как будто свистит во сне, – такой странный храп, как у резиновой игрушки звук.

– С дырочкой в правом боку, – он сказал.

И она рассмеялась счастливо, – он понимал, он все понимал, свой человек, родной. И конопушки все родные, – так она ему потом говорила.

– А еще, – сказала она, – у нее толстые круглые очки, она в них как водолаз – такое подводное чудище. У меня был маленький приемник, совершенно крохотный, она его брала без спросу слушать, я знаю, потому что она всегда движок переставляла на шкале настройки, а теперь он с трещиной, приемник, по корпусу, она его уронила. Но не признается, ты не думай (они уже перешли на ты), держит оборону. Ну я, что я с ней сделаю, не убивать же, – рассмеялась детским легким смехом.

Юра улыбнулся.

– Она все время что-то о смерти говорит, вот, мол, как ты думаешь, Лида, – Лида – это соседка, – есть что-нибудь после смерти? Та говорит: я не знаю, Тамара. Ее Тамара зовут. Она говорит: мне кажется, что-то есть. А Лида всегда соглашается. А в другой раз Тамара говорит: нет, ничего там нет. А Лида опять соглашается: наверно. Или про болезни начинают, у кого какие. Я от них по вечерам ухожу, то в магазин, то в библиотеке чего-нибудь посмотрю, журналы смотрю, всё так страшно, про лагеря, верить не хочется, голова не вмещает, и главное, зачем, зачем, не могу понять, бессмыслица. Это я еще только пятый день здесь.

– Я с осени. Сентябрь и далее. Я в кино хожу. С механиком подружился. Пойдем в кино?

– А что там?

– Да всё равно.

И Клава (они уже спросили имена друг у друга) пошла с ним в кино, на «Шуру и Провирняк», как выяснилось.

Фильм про то, как жалкий человек, мелкий, физически ущербный, незаметно, тихо становится начальником, злобным, мстительным, беспощадным. Эта история поразила их обоих. Особенно то, что маленький человек обидел и ту, которая его пожалела. Они после этого фильма уже поняли, что должны держаться друг друга.

Они ходили по зимнему городку до глубокой ночи, все почти окна были погашены в домах. И остро чувствовалась глушь, оторванность от большого мира.

– У меня ноги застыли, – сказала Клава. – И губы.

Юра поцеловал ее. Не очень ловко вышло.

Он привел ее к себе, на общую кухню, они старались потише, боялись, что кто-то сейчас войдет. Сняли пальтишки, сложили на табурет, уселись за длинный стол.

– Можно я поставлю чайник?

Он кивнул. И Клава встала тихо, посмотрела, есть ли в чайнике вода, долила (воду пустила тонкой струйкой, чтоб не гремела; в здешних домах стены были картонные). Он достал спички и поднес к вентилю огонек. Заварили в кружках, сахару положили по три куса, решились позаимствовать у соседа из сахарницы. Пили чай, молчали и глядели друг на друга. Юра хотел сказать что-нибудь вроде: отогрелась? Прошептать. Хотел и не смел. Как будто было важно помолчать, посидеть тихо. Они точно знали, что будут вместе. Уже были.

Они услышали, как дверь открывается и приближаются шаги. Вошел Юрин сосед Геннадий, в трениках, в майке. Ни словом не обмолвился. Подступил к крану, открыл, напился. Прошел к окну (Клава смотрела в широкую спину), отворил форточку и закурил.

Так и молчали все трое. Геннадий докурил, бросил окурочек в жестянку из-под индийского кофе и закрыл крышку. Повернулся и отправился из кухни.

Шаги, открывается и закрывается дверь. Тишина.

– Он ничего мужик, – прошептал Юрий, – нормальный.

– Я пойду.

– Я тебя провожу.

В подъезде целовались, но тоже не очень ловко вышло.

1989, декабрь, 29

Они познакомились 28 декабря, поздно вечером 29-го опять вместе ужинали. Уже офицеры все разошлись к тому времени, одна только шинель и висела в гардеробе с одинокой майорской звездочкой на выставленном плече. Хозяин шинели, маленький лысый майор, пил молоко с калорийной булкой, посыпанной ореховой крошкой, и смотрел в стол.

Они припозднились, так как не поехали с объекта со всеми на автобусе после смены, а отправились через лес. Редкие фонари освещали дорогу. Юрий показал Клаве поваленный ствол, сел на него, а Клаву усадил себе на колени, обнял ее, лицом уткнулся в драповую спину и замер. Отчего-то, бог его знает, ему стало жалко Клаву и себя, и еловую лапу, и весь белый свет. И Юра вдруг неслышно заплакал – сами собой полились слезы. Тихо, без всхлипов плакал и боялся оторваться от Клавиной спины.

Клава сказала:

– Холодно.

– Да, – прошептал он ей в спину.

– Пойдем?

Он разомкнул объятия, отнял лицо и быстро вытер ладонью.

Шли заснеженной дорогой.

– Слушай, а мы не в обратную сторону идем?

– Нет-нет.

– Мне кажется, что как будто обратно.

– Ну, значит, дойдем до объекта и вернемся. И куда ни пойдем, всё будем выходить к объекту.

– Не пугай меня.

Он взял ее за руку. Клава сказала:

– Я на Новый год здесь буду, ночная смена, так обидно.

– Я тоже попрошусь в ночную, поменяюсь. Будем сидеть у компьютеров плечом к плечу. Держать оборону.

В те годы компьютеры были большими. На объекте дисплеи с жемчужно-серыми экранами были присоединены к железным шкафам, занимавшим целый зал.

– Зато первого, представляешь, какая будет глушь? Пустые дома, пустые улицы. И мы с тобой заходим куда вздумается.

Юрий, разумеется, не знал, как скоро его детская фантазия осуществится взаправду.

Буквально через четыре года, в 1993-м, известная сценаристка сочинит историю то ли о Москве, то ли об Одессе, то ли еще о каком-то городе (она писала варианты на всякий случай, мало ли где найдутся деньги для съемок). Она писала о русском городе, диком, полуразрушенном, темном, о бедных его маленьких жителях, совершенно потерявших себя во мраке небытия.

Так и не сумевшие вырасти дети. Взрослые за ними присматривали, указывали правила общежития, следили, чтобы были сыты, одеты, обучены, и вдруг в один день ушли из города. Не дети ушли, повинувшись дудочке крысолова, а взрослые. Как вы понимаете, речь не о возрасте, не о годах. Дети (а среди них были и старики) остались одни в городе и одичали. Город, который взрослые несли на плечах, обрушился, дети ползали среди развалин, без пастыря, без ориентиров.

Ничего этого Юрий не знал (а фильм по тому сценарию так и не поставят), те времена еще не наступили, был их канун. В декабре 1989-го можно было вообразить лишь опустевший в первый день 1990-го военный городок, в который вернутся они с Клавой.

1990, январь, 1

Утром 1 января после ночной смены они вернулись в городок на автобусе, вдвоем были в салоне, сидели тесно, на одном сиденье. Окошко замерзло, Клава протопила пальцем что-то вроде крохотного иллюминатора. Или взора, – как говорил Юрий Гагарин. И они глядели (взирали) в него по очереди. На проплывающий лес. Он казался невиданным. Автобусная дорога шла долгим кругом, это пешеходная вела прямо, от ворот до ворот, от КПП до КПП.

Автобус кружил, покачивался.

– Жрать охота, – сказал Юрий.

– У меня колбаса. И шампанское.

Он впервые оказался в ее комнате. Три кровати, три тумбочки, один шкаф, электрический чайник на подоконнике. (Совсем не такой, как сейчас. Тогдашние чайники разогревались медленно, сами отключаться не умели и часто горели, так как не хватало терпения и внимания за ними уследить; этот был именно такой, забытый и сгоревший, негодный.)

Клава показала свой крохотный приемничек с трещиной на синем пластиковом борту. Забытые очки для чтения лежали на тумбочке Тамары и глядели выпуклыми стеклами. Юрий прямо с холода, не дожидаясь колбасы и шампанского, обхватил ладонями голову Клавы, приник к губам, точно выпить хотел из нее воздух или из себя весь в нее – выдохнуть. Клава оторвалась, прошептала:

– Смотрят.

И он торопливо спрятал очки в тумбочку, в верхний ящик.

Кровать была узкая, скрипела и проваливалась, они скинули матрац на пол. Клава сбегала, проверила, заперта ли дверь, и вернулась совсем без всего, белая как молоко. Встала смущенно, прикрыв ладонями грудь. И опустила руки, открылась. Он встал на колени, она легла.

– Я еще никогда.

– Не бойся.

– Яне боюсь.

– Не бойся.

Вышли они на воздух уже в сумерках (колбаса была съедена, а шампанское выпито). Прошлись по улице, вовсе, конечно, не безлюдной. Куда было местным деваться, здесь их дом, не то что у командировочных. Офицеры и жены их или подруги прогуливались, ребятишки носились.

– В кино пойдем?

– Опять «Вельд»?

– Сегодня не по расписанию кино будет, особый сеанс.

До половины девятого катались с малышкой с ледяной горы. На площади, напротив небольшого Ленина на каменном постаменте, горела электрическими огнями громадная ель, она здесь росла, она была старше городка, старше объекта и деревни (туда ходили за молоком по тропе вокруг леса и через поле). Старая, сумрачная даже в огнях и блестках, она возвышалась надо всеми домами.

От площади направились узким обледелым тротуаром. В серых пятиэтажках мигали праздничные огни.

– Такие огни, – сказал Юрий. – Сигнальные.

– Кому сигналият? О чем?

– Не знаю.

Они шли взявшись за руки. У Клавы были скользкие подошвы, она осторожно шаркала. Киносеанс был в квартире киномеханика, маленькой, зато отдельной.

Они вошли в подъезд, поднялись на второй этаж, мимо мерцающего красного огонька сигареты. И кто-то сказал им в спину:

– С Новым годом.

Они ответили хором:

– С Новым годом.

Механик на звонок приоткрыл дверь, посмотрел на них, снял цепочку и пропустил.

– Мы рано, – сказал Юрий.

– Вы первые.

Времени до сеанса оставалось сорок минут. Механик, который представился дядей Колей (и сразу стал как будто родственником), подогрел им чаю и поставил тарелку с колбасой. И хлеба нарезал широкими ломтями.

– От водочки не откажетесь?

– Не откажемся. Как можно.

Начались звонки, открывание дверей, разговоры в прихожей, Клава с Юрой отправились в комнату, заняли место на диване. Входили люди, здоровались. Комната заполнялась споро. Пожилые приходили, и молодые, и с детьми; все разувались, чтоб не нанести в комнатушку снега, все пахли холодом и были смущены тайной, предстоящим просмотром, никто не знал, что будет.

На диван втиснулась девушка, зачем-то улыбнулась Юре и сказала:

– А я вас помню, вы всегда у нас в столовой можайское молоко берете в бутылке.

Клава потерпела минуту и прошептала Юре в ухо: «Давай на табурет пересядем?»

– Дядя Коля, а можно, мы из кухни возьмем табурет?

И они пристроились вдвоем у стены на кухонный табурет.

Уже невиданную пластиковую коробочку с лентой внутри, видеокассету, вставил в узкое, с отодвигающейся шторкой, окошечко механик. Уже руку протянул к выключателю мальчишка, чтобы погасить по команде свет, как задребезжал вновь дверной звонок, и механик отправился в прихожую. Все в комнате сидели тихо, даже малые дети. Кто на полу, кто на диване, кто на табуретах (всего два). Единственный стул оставался свободен – для киномеханика.

Из прихожей слышались приглушенные голоса. Голоса смолкли, и в комнату вошла женщина, высокая, бледная, светловолосая. Та, что курила на поваленном стволе в зимнем тихом лесу.

Не глядя ни на кого, спокойно, она приблизилась к стулу киномеханика. Села на него, выпрямила спину. Никто звука не проронил. За женщиной вошел маленький лысый майор, он нес в руках шинель. Постелил шинель у ног высокой женщины (а сапоги она не сняла, и лужа уже натекала, но майору было все равно, что лужа).

Но высокая красавица и майор были еще не последние, последней вошла соседка Клавы Тамара в тех самых очках с выпуклыми толстыми стеклами. Клава смотрела на нее во все глаза. Вдруг поднялась с табурета.

– Садитесь, пожалуйста, Тамара Сергеевна.

И Юра, конечно, поднялся, а Тамара опустилась на табурет, будто так оно и должно было быть. И ноги в штопаных чулках выставила. Юра сбегал за пальто, постелил на полу, и они уселись с Клавой в обнимку. Зато у самого экрана.

– Гаси! – крикнули мальчишке.

И сеанс наконец начался.

Профессор проводил эксперименты по телепортации, мелкие предметы появлялись и исчезали. Затем он сам исчез и появился, и начались с ним странности, сила в нем проснулась, жестокость, ходил он по потолку, плевался ядом. Клава прятала лицо на Юриной груди.

– Всё, можно смотреть, – разрешал он тихим шепотом.

Минут через десять после начала фильма светловолосая красавица поднялась со своего трона (она и на том зимнем стволе сидела, как на троне) и, отчетливо стуча каблуками, в полумраке прошагала к выходу. Люди отодвигались, давая ей дорогу. Она шла молча, спокойно. Майор поспешно поднялся, подхватил шинель и стал пробираться за ней. Он бормотал извинения.

Механик все время сеанса стоял сбоку у стены и курил. Предварительно спросил разрешения у почтенной публики. Уходящим он ничего не сказал и с места не сдвинулся. Они справились с замком и захлопнули за собой дверь.

1990, март, 1

Первого марта выяснилось, что Клава беременна. Они к тому времени расписались, комнату в городке им так и не дали, но обещали перевести работать в Москву на завод «Мосприбор».

Не дожидаясь перевода, сняли квартиру в Кузьминках, на Окской улице, и ездили туда с объекта на выходные. Головное предприятие было в Ярославле, так что кроме зарплаты им выплачивали командировочные, и потому свободные деньги у них водились. Клава купила подержанный раскладной диван, столовый сервиз (ЛФЗ, 2 сорт), телевизор (Юность-406). Плащаной шкаф оставили хозяйский, деревянный, трехстворчатый, с полированными дверцами.

Дом Клава содержала в идеальной чистоте. Когда собирались вечером в воскресенье на объект, говорила:

– До свиданья, квартирка, до свиданья, милая.

Уж конечно, посуда была к отъезду вся убрана, пол вымыт, мусор вынесен.

– Чтоб всё было хорошо, – говорила Клава и закрывала дверь на ключ.

Юра следом за Клавой полюбил временное пристанище. С удовольствием выбирал ткань на шторы, Клава сама их подшивала на старой зингеровской машинке, машинка тоже была хозяйская, стояла в шкафу. Юра смазал механизм, отладил, и Клава выучилась на ней шить, пригодилось в свое время для ребенка.

1990, март, 7

На восьмое марта у Юры выпала рабочая смена, седьмого пришлось ехать на объект. Клава его провожала до метро. Не хотелось расставаться, они медлили.

– Я буду скучать по той дорожке, – тихо сказала Клава.

И Юра понял, что говорит она о дорожке через лес, о поваленном стволе, о том, как дым Юриной сигареты тает в воздухе, о том, как они нашли там однажды металлический рубль, и оставили лежать, и каждый раз проверяли: лежит? – лежит.

– Быстро как дошли, – сказала Клава у спуска в метро. И Юра понял, как ей не хочется его отпускать.

Она держала его под руку и руки не отнимала.

– Поехали вместе, – сказал Юра. – Серьезно. Что ты одна? Пройдемся вместе по дорожке. В кино вечером сходим. Или не пойдем. Как захотим.

– А правда, – сказала Клава.

И повеселела. Но тут же передумала.

– Не могу. Я посуду не вымыла, нехорошо так оставлять.

– Что за ерунда, что с ней сделается? Ну прибежит таракан.

Она поморщилась.

– Я шучу.

Она поцеловала его в щеку, поправила ему шарф, спустилась вместе с ним в метро.

Он вошел в вагон, двери закрылись. Она стояла на платформе. Подняла руку и помахала ему.

Путь из Москвы в городок был долгим: метро, электричка от Киевского вокзала до станции Балабаново, автобус до военного городка, до конечной.

В поздней электричке народу было совсем мало. Юрий нашел вагон чуть потеплее и устроился на деревянном сиденье прямо над печкой (печки тогда устраивались в электричках под сиденьями, и если топились хорошо, то сидеть было невозможно, а при слабом отоплении – приятно). Состав тронулся, Юрий приготовился уже задремать, как вдруг увидел идущего по проходу майора. Вагон покачивался.

Майор вошел в тамбур, двери за ним сомкнулись.

Майор закурил, Юрий видел огонек его сигареты через стеклянный верх двери. Юрий курить временно бросил, беременную Клаву тошнило даже от запаха. Он открыл книгу или журнал, не могу сказать с уверенностью.

Журнал очень возможен. «Огонек», «Новый мир», «Знамя». «Замок» или рассказы Петрушевской. Или Шаламова. Всё страшное. Всё морок. Всё невыносимо и нельзя не прочесть. Нельзя не заглянуть туда. Но скоро Юрий бросил читать, оставил на коленях раскрытый журнал (или книгу). Женщина сидела через проход, картонный короб лежал рядом с ней на сиденье. Она вдруг открыла короб, вынула из него что-то завернутое в белую бумажку, развернула (бумажка хрустела как снег и вспоминался сразу Новый год, разноцветные огни в окнах, тот миг, когда старый год завершился, а новый не наступил; единственный миг невыдуманного волшебства). Из бумажки показалась белая фарфоровая чашка, полупрозрачная. Юрий видел сквозь тонкие стенки тени державших чашку пальцев. Белая чашка, расписанная жел-

тыми розами на зеленых колючих стеблях. Рука с чашкой запечатлелась в его памяти. Впоследствии в любой момент он мог вызвать это видение в полупустом холодном вагоне, где только и грела печка, над которой он сидел.

О майоре он к тому моменту позабыл. Увидел его уже в окне автобуса, как в светящейся картине. Майор успел проскочить среди первых, и занял лучшее место, и теперь смотрел на них всех из своего электрического тепла. Толпа пробивалась в автобус, в маленькие его двери.

Автобус был небольшой (пазик), урчал и дрожал. Юра втиснулся последним, двери, шаркнув по спине, закрылись. Майор приподнялся, замахал рукой и закричал:

– Эй, парень, я тебе место держу!

И Юрий догадался по обращенным на него взглядам, что майор держит место для него. Майор махал рукой, кричал:

– Пропустите его! Мы вместе!

Народ ворчал, но давал протиснуться. Кто-то, правда, сказал, что могли бы и женщине уступить место, на что майор взвизгнул:

– Я инвалид! Я из Афгана!

– Ладно, не психуй, – ему сказали.

Люди угрюмо теснились, давая Юре проход.

Майор забрал с сиденья шапку, и Юра сел. Автобус уже тронулся.

– Я правда инвалид, – сказал майор, – я правда из Афгана.

Он выдохнул, успокоился. Ехать им было до конечной минут сорок.

– Расскажи мне, чем там дело кончилось, – спросил майор.

Юрий мгновенно понял, о чем речь.

– Он стал отчасти мухой, – сказал.

Майор хмыкнул.

– Только все эти мушиные свойства в человеке увеличились. Человек – что-то вроде увеличительного стекла.

– Это мне непонятно, – сказал майор.

– Ну. В общем, человек – это чудище.

– Это мне понятно.

Майор посмотрел на Юрия со вниманием. Впрочем, ничего больше не спросил и отвернулся к окну.

У городка уже полупустой, легкий автобус развернулся, встал, отворил двери. Юрий поднялся, выбрался в проход, майор следом. Спросил уже готового спрыгнуть со ступеньки Юрия:

– Тебя как зовут?

Юрий обернулся.

– Меня Михаил, – сказал майор. – А некоторые зовут Мишель. В честь поэта Лермонтова.

– А меня в честь космонавта Гагарина.

– Отличный выбор, – сказал Мишель.

Юрий спрыгнул и направился к КПП.

1990, апрель, 4

Апрельским вечером накануне пятницы Юрий и Клава прогуливались по городку. Шли рука об руку, здоровались со знакомыми. Было еще светло. Время от времени Клава восклицала:

– Ах, посмотри!

Они останавливались и смотрели.

Ожившая, готовая раскрыться почка.

Глазастый малыш в коляске.

Скачущий по просохшему асфальту воробей.
На площади возле темной ели толпились люди.
– Смотри! – воскликнула Клава.

В белом платье до колен стояла высокая блондинка под руку с майором. Возвышалась над ним.

– Это свадьба.
– Ну да, – тут же понял Юра. – Конечно.

Майор был в парадной форме с орденской планкой. Багровый, гладко выбритый. Потный. У молодой жены лицо спокойное. Взгляд поверхностный, скользкий. Они фотографировались. Вдвоем. Толпа гостей стояла поодаль, за фотографом.

– Внимание, – сказал фотограф.

И толпа за ним примолкла. Но майор вдруг привстал на цыпочки, замахал свободной рукой и закричал:

– Эй, Гагарин! Я женился! Приходи в столовку! Давай! Гуляем!!!

И все-все люди на площади обернулись и посмотрели на Юрия. Клава дернула Юру за руку, жена майора не шелохнулась.

– Спасибо! – крикнул в ответ Юрий. И тоже зачем-то привстал на цыпочки и махнул рукой.

– Внимание! – попросил фотограф утомленно.

Майор поправил фуражку, прижался к жене.

– Улыбочку!

Майор улыбнулся. Лицо жены осталось неподвижным.

– Снимаю!

В тишине они услышали щелчок затвора.

– А как же птичка? – прошептала Клава.

– Вылетела, – прошептал Юра. – Без предупреждения.

Толпа между тем зашумела, повалила к новобрачным – фотографироваться вместе. Темная, еще не очнувшаяся от зимы, ель стояла за ними мрачным фоном.

Клава повела Юру от площади. Молчала, пока совершенно уже не перестали слышаться с площади голоса и смех. Пока не послышался с плаца топот и хор голосов: ...не плачь, девчонка...

– Бесстыдник, – сказала Клава. И Юра понял, что речь о майоре.

– Почему?

– Почему?

– Я не понял.

– Ну ты даешь.

– Правда.

– Дурачок у меня муж.

– Нет, правда.

– Тебя позвал, а меня не нужно? Тебя это не удивило? Не задело?

Клава шла молча, поджав губы. Поскользнулась на ледяной, невидимой в полумраке глухой улицы дорожке, и Юра схватил ее под руку. Но Клава руку выдернула.

– Домой пойду, – сказала Клава. – А ты не ходи за мной. Оставь.

Это была их первая и единственная размолвка за всю жизнь.

Клава ушла, Юра стоял на тротуаре. Сгустились апрельские сумерки. Холодало. Юра спросил сигарету у прохожего. Закурил. «Ничего, – подумал, – это я так, для отвлечения». Неуютно ему было от того, как они с Клавой расстались. Нескладно. Юра докурил и побрел узким тротуаром. Ледок крошился под ногами, хрустел, как вафля.

Вышел к кинотеатру и увидел афишу:

ОБЛАКО-РАЙ

Темно-серые, каменные буквы ступенями вели к белому облаку на синем клочке неба. На облаке сидел небольшой человечек. Первая буква, О, первая ступень, вросла в узкую полосу земли с пятиэтажными домами (белье на балконах, старухи на лавках у подъездов), вросла, потрескалась.

Юра подумал, что лучше бы посмотрел сейчас детектив. На афише должны быть кровавые буквы с подтеками, синяя ночь, туман, пятно фонаря, женское холодное лицо. Такое холодное и такое красивое, как у жены майора. Юра смотрел на афишу, хмурился.

Развернулся и направился к столовой.

Свет в окнах одноэтажного здания столовой горел, погромыхивала оттуда музыка, на крыльце офицеры курили и говорили о чем-то. Юра стоял рядом, слушал и не мог понять о чем. Улавливал слово, задумывался над ним, а разговор тем временем шел дальше, и даже не шел, а бежал.

«Недоразумение».

Недо-разум...

«Отцепись».

От-цепись. Надо же. Цепь. Вот оно что.

«Отвали!»

От-вали, вали, Валюша, иди валенки валяй.

Лес вали, – какой-то другой, строгий голос подсказал Юре.

Один из офицеров вдруг слетел с крыльца, шлепнулся в едва подмерзшую лужу, крикнул: – С-с-сука!

Вскочил и вновь едва не шлепнулся, поскользнувшись. С крыльца захохотали. Офицер бросился на хохотавших, его отшвырнули. Юра отступил. Прошел под окнами. Дверь подсобки была открыта, он вошел. Пробрался мимо гремящих посудой женщин; кошка выскочила под ноги, Юра отшатнулся.

В зале столы все были сдвинуты вместе, в один длинный, вдоль стены. Майор с женой сидели во главе. Места свободные были. Из кассетника на подоконнике гремела музыка, немногие танцующие стучали ногами в пол.

Юра сел. Чистой тарелки не было, он придвинул салатницу, почти пустую, взял ломоть хлеба. И ложкой, которая была в салатнице, принялся есть. Свекла с орехами под майонезом. Юре понравилось. Хлебом он собрал со дна остатки. Женщина напротив смотрела на него. Она походила на Шуру из зимнего фильма «Шура и Просвирняк» (так Юра разделял фильмы, по временам года, – время года как время действия, – и это была точнейшая характеристика; время года создавало настроение, задавало вектор восприятия; «Шура и Просвирняк» был, несомненно, зимний фильм).

«Шура» протянула ему тарелку с жареными пирожками, бутылку и стопку. Юра налил себе, потянулся через стол и налил женщине. Она не возразила. Юра поднял стопку, дождался, пока «Шура» поднимет свою, и чокнулся с ней. Безмолвно. Увидел, что запачкал край рукава в белой сахарной пудре и сообразил, что сидит в пальто и шапке. Поднялся, снял шапку и пальто, шапку сунул в рукав, пальто повесил на спинку стула. Опустился на место.

– Согрелся? – спросила «Шура».

Юра не ответил. Съел пирожок (с мясом). Налил себе еще водки («Шура» свою стопку накрыла ладонью).

Крикнули: «Горько!» Юра посмотрел на майора и его белокурую жену. Майор поднялся, она осталась сидеть; майор с ней сидящей практически сравнялся ростом, чуть-чуть даже оказался выше. Наклонился и поцеловал ее в губы. Поцелуй был долгим, за столом стали гудеть, кричать «молодец», хлопать. Юра смотрел внимательно, не отводя взгляд. Наконец майор ото-

рвался от жены и оглядел стол пьяными сумасшедшими глазами. Поднял руку и крикнул через стол:

– Гагарин!

Юрий не откликался.

– Гагарин! – вновь крикнул майор. – Тост! Говори! Налейте, эй, все, давайте, эй, люди! Громобой! Выруби музыку, выключи, я сказал! Гагарин! Давай!

Музыка оборвалась. Танцующие остановились.

Они подходили к столу, наливали себе в рюмки и стопки. Все ждали, что скажет Юрий, все смотрели на него, и жена майора смотрела, впрочем, без любопытства. Юрию пришло на ум, что у нее ленивый взгляд. Да, слово «ленивый» показалось точным. Юрий поднял свою стопку (кто-то уже налил в нее доверху водки, Юрий и не заметил, едва не расплескал, поднимая).

Юрий сказал:

– Ну. Счастья вам.

Все молчали и ждали продолжения, но и Юрий молчал.

– Отлично! – крикнул майор.

И тогда все ожили, стали чокаться, пить, говорить: счастья, счастья. Майор закричал:

– Давай музыку, душевное чтоб!

И музыка явилась, что-то плавное. Майор прошептал на ухо жене, и она, не взглянув на него, поднялась. И пошла на площадку, оставленную для танцев. Майор шел за женой, смотрел ей в спину и улыбался. Она вдруг повернулась. Он приблизился, обхватил ее за талию, она положила руки ему на плечи. Музыка была восточная, тягучая, сладкая. А может, и сладостная, это кому как. Майор щекой прижался к груди жены. Юрий подумал: что я здесь делаю? Но все-таки не ушел. Вдруг услышал голос «Шуры» и поднял на нее глаза. «Шура» сказала:

– Не хочешь танцевать?

Юрий подумал и встал. «Шура» уже шла к нему из-за стола. Они постояли друг против друга. «Шура» смотрела на него мягко, ладони положила на плечи, он осторожно взял ее за талию. Топтался тихо, не в такт. Вдруг остановился.

– Я пойду, – сказал.

Развернулся и торопливо зашагал к выходу.

В фойе наружная дверь была распахнута, воздух выстужен. Юрий остановился. Пальто он оставил на спинке стула. Возвращаться не хотелось, и он стоял растерян.

На крыльце курили. Юра прислонился к барьеру гардероба. Пальто и шинели едва умещались на крючках, теснились. Женская шубка валялась на полу с оборванной вешалкой. Юра зашел за барьер, поднял шубку и положил на черную лаковую столешницу. Из зала текла мучительно медленная мелодия. Вышла оттуда «Шура». В руках она несла Юрино пальто. Подошла и положила на барьер – рядом с шубкой. Сказала:

– Олькина шубейка.

– Вешалка оборвалась, – отвечал Юра.

Вынул из рукава своего пальто шапку. «Шура» наблюдала. Сказала:

– Чудная она. Прямо снежная королева. Глубокая заморозка.

Юра, конечно, понял, о ком речь. «Шура» продолжала:

– Главное, что ему годится. Умеет, значит, разогреть.

Она пальцами пробежала по барьеру и, не попрощавшись, направилась в зал. Тягучая музыка смолкла, и – точно обвалилось что-то в зале, грохнуло, застонало, заныло, Юра даже зажмурился. И услышал близкий голос:

– Шинель подай мне.

Белолицый худой мужчина стоял за барьером. Одет он был в гражданский костюм и указывал на светлую полу офицерской шинели. Юра подошел к крючку, снял пальто, снял висев-

шую за ним шинель. Подумал и повесил опять на крючок. И пальто сверху повесил, как было. Мужчина смотрел изумленно. Юра подхватил свое пальто, вышел из-за барьера и, на ходу одеваясь, направился к выходу.

Он приблизился к серой панельной пятиэтажке, в которой жила Клава. Посмотрел на темные окна. Поднялся на крыльцо, потянул на себя дверь. Она, конечно, была заперта, и Юра постучал. Отворила старуха комендантша:

– Что колотишься? Патруль вызову.

Ни слова не говоря Юра сунул ей трешку.

Он бегом поднялся по лестнице на третий этаж. Прошел по коридору. Постучал в Клавину дверь. К его удивлению, дверь открылась мгновенно. И он увидел опухшее красное лицо Клавы в полумраке прихожей. Прихожая эта отделялась от собственно комнаты тонкой перегородкой с застекленным окошком. В прихожей стояла обувь, висели пальто. За окошком в комнате теплился свет накрытой полотенцем настольной лампы. Приторно пахло лекарством.

Юра ничего не успел сказать, Клава схватила его за руку и вытащила в коридор. Дверь за собой прикрыла и зашептала:

– У нас катастрофа.

Они вышли на площадку, и Клава рассказала, что соседки ее с нынешнего дня безработные, комнату освобождают, едут навсегда по месту жительства.

– Они пенсионерки, – шептала Клава, – должности сокращают. Ой, как же мне их жалко, и в деньгах потеряют очень (знала бы Клава, во что превратятся эти деньги в ближайшее уже время – в пыль), но главное, они совсем потеряются, здесь работа, дело, а там? Только дома сидеть и смерти ждать.

– Ну ты скажешь.

– Это не я, это они говорят. У Лиды полно народу дома, она здесь от них отдыхает, говорит, что они ее заклюют, а моя Тамара совсем одна. Ой, Юра, плачет и плачет, ничего уже не видит, вся опухла, я ей приемник этот подарила, она меня по голове погладила, я тоже заревела. Все ревом, валерьянку пьем и, что делать, не знаем.

Клава замолчала. Всхлипнула. Юра обнял ее и прижал к себе крепко-крепко.

* * *

Они стоят на этой прокуренной площадке в обнимку. Скоро никого здесь не будет, в этом панельном доме (общежитие квартирного типа), в этом городке, все покинут его, не только зареванные, наглотавшиеся валерьянки пенсионерки. Все уйдут. Лет через триста доберутся сюда отряды туристов – смотреть древние развалины. Будут гадать, что здесь было. Кажется, здесь собирались и смотрели фильмы, ни одного не сохранилось, лишь противоречивые описания, по которым трудно воссоздать истину. Истину разглядеть невозможно, разве что через закопченное стеклышко, чтоб не ослепнуть.

Как давно это было. Их объятия, чьи-то замершие шаги. Толчок ребенка в Клавином животе. Они оба почувствовали толчок и рассмеялись. Смех, за который простятся им все их прегрешения.

Они стоят на лестничной площадке, обнявшись. Они связаны друг с другом на веки вечные, и в горе, и в радости. И смерть не разлучит их.

Долгое время они будут скитаться по съемным московским квартирам. Юрий станет разъезжать в метро с круглым значком на груди СПРОСИ МЕНЯ КАК (живая реклама гербалайфа). Клава будет сидеть дома с ребенком и переводить с английского технические тексты. Юра решится и возьмет в долг подержанную машину – бомбить (подвозить пассажиров).

1993, октябрь, 15

Он увидел из окна своей таратайки (стоял на светофоре) шагающих мокрой зимней улицей мужчину и женщину. Она была в легкой шубке нараспашку, он – в яркой куртке. Оба без головных уборов, загорелые, похожие на иностранцев.

Юра не сводил с них глаз. Очнулся от автомобильных гудков, горел уже зеленый.

Дома с порога Юра выпалил:

– Я видел жену майора!

Клава слушала и горестно покачивала головой.

– Значит, бросила она майора. Нашла себе получше. Клава назвала майора бедолагой. И долго гадала, как же он теперь.

1995, ноябрь, 3

В девяносто пятом Клава устроилась в ларек на московской окраине у подножия многоэтажек. В ночные смены ходили вдвоем с Юрой (Олюшка ночевала у соседей).

Сидели в ларьке, слушали приемник на батарейках, по очереди дремали на ящиках, застеленных старым покрывалом. Однажды Юра прикорнул и услышал сквозь неглубокий сон крики. Крики и грохот. Будто камни катились по железному листу. Юра приподнял голову. В ларьке было темно, сквозь щели и сквозь оконце просачивался рассеянный электрический свет. Клава стояла у полок со сникерсами, марсами. Подняла руку и палец приложила к губам. Юра бесшумно поднялся, подошел к ней. Грохот нарастал. Они не видели, так как не приближались к оконцу, скрывались в глубине; не видели, но хорошо представляли, как идут облавой подростки, палками, цепями крушат на пути машины, киоски. Звенит стекло, кажется, что от криков лопается воздух. Всё ближе и ближе.

Расколотят оконце, увидят, что они с Клавой здесь, забудут. И скроются негде.

Стекло брызнуло, Юра взял Клаву за руку – ледяная рука. Сжал крепко. И так они стояли, взявшись за руки, и видели, как обрушивается хлипкая стена, и видели безумные, орущие лица. Юра зажмурился, не выпуская, не упуская Клавиной руку.

Он оказался в темноте и, как ни странно, в тишине. Все звуки оборвались. Он открыл глаза и посмотрел на Клаву. Она смотрела на него.

Юра и Клава были в глухом, безлюдном месте. В багровом полумраке угадывалась земля, кусты. Ветер подул, горячий, такой, наверно, бывает в пустыне. Прямо в лицо ветер. Они отвернулись, зажмурились. Горячий ветер стих, и голоса послышались, но уже далеко. Они открыли глаза и увидели себя в разгромленном, разграбленном ларьке.

Подростки ушли. Ныла сигнализация на чей-то машине.

* * *

В девяносто седьмом Клава получит бабкино наследство, квартиру в небольшом городе (город, где Клава родилась и куда ни за что не хотела возвращаться, – что я там буду, всё чужое, всё маленькое, мальчики знакомые все спились, работы нет, трясина, а не город; Юра ее прекрасно понимал, он и сам был из такого города). Квартиру они с Юрой продадут, возьмут кредит и купят жилье в Московской области. Юра устроится к тому времени программистом в нефтяную компанию. Отремонтируют сами. Светлые обои, широкие подоконники, душистая герань. Гардины. Рябину посадят под окном. Дочка вырастет, окончит школу, поступит в институт и выйдет замуж в Москву. Они останутся коротать век, смотреть из окна на рябину, на разросшуюся сирень, слушать, как стучит дождь.

2014, август, 29. Пятница

Обычно в начале второго часа пути Юрий поднимался и шел в тамбур. Пиво к тому времени бывало всё выпито, упаковки от соленого арахиса шуршали на полу. Электричка катила полупустая, поздняя.

В этот вечер случилось ему задремать и проскочить свою станцию. Он позвонил Клаве, предупредил, что опоздает. Доехал до конечной и взял такси.

У водителя в салоне бормотало радио. Юрий прислушался. Глухой мужской голос бубнил:

«...на месте полной жизни кондукторши герой видел железный автомат. С которым любезничать ему не захотелось. Бросил монетку, взял билет. Такая случилась подмена живой жизни на железную. Наступало железное время, которое проржавело в свой срок и рассыпалось...»

Водитель нашел другую станцию, русский шансон. Юрий спросил разрешения и закурил. Когда подносил к сигарете оранжевый огонек, сообразил, что знает эту историю про кондукторшу и автомат.

Он вспомнил военный городок в глухом лесу. Осенние темные вечера. Солдаты бежали по выложенной бетонными плитами дорожке: ох-ох-ох. Страна Ох. Юра дожидался, пока они пробегут, и направлялся по дорожке до поваленного ствола, и, если не было сыро, то садился, закуривал. Он чувствовал себя несуществующим. Ужинал в офицерской столовой. В подсобке гремели посудой, чей-то истеричный голос пробивался: убил меня, убил, просто убил. Юрий поднимался и шел в клуб на вечерний сеанс. Жизнь проходила, он не сожалел. Было ему двадцать два года, только что после института.

Историю про кондукторшу и железный автомат он увидел в клубе военного городка в холодном полупустом зале на последнем девятичасовом сеансе. Давний фильм, черно-белый, из шестидесятых годов. Юрий родился в шестьдесят втором. Ему хотелось знать, что тогда было в мире.

Через полчаса въехали в поселок. Дороги и улицы были пустынные.

Клава смотрела в окно, как он выбирается из машины, забрасывает на плечо черную сумку из-под старого ноутбука, поднимает голову, видит ее в окне, машет большой ладонью.

Сказала, пропуская его в прихожую:

– Ну, слава богу.

Она кормила его ужином, а он рассказывал, как уснул от усталости.

– Такая усталость. Навалилась.

Клава подливала ему чаю.

Не ссорились они никогда.

2014, август, 30. Суббота

Юрий и по выходным дням вставал рано. Поднимался с постели тихо, стараясь не потревожить жену. На столе в темной кухне нашаривал спичечный коробок, вынимал спичку, чиркал о шершавый борт. Поворачивал вентиль, подносил пламя. У них была старая немецкая плита с черной чугунной решеткой. Менять и не думали.

Он любил утренние посиделки в спящем доме. Любил осторожно, беззвучно ставить чашку на блюдце, вспоминать что-то и мгновенно забывать. Прислушиваться, слышать и упускать из слуха бесследно. Кошка приходила, терлась о ногу. Вспрыгивала на колени, он гладил ей загривок. Так они и сидели с кошкой в полузабытьи, пока не вставала Клава. Она приходила к ним на кухню, и начиналось утро. Зажигался свет. Или раздвигались занавески. Вновь ставился чайник. Включалось радио. Варилась каша. Говорили за завтраком о дочери, о поли-

тической обстановке, о соседях, о здоровье, о пустяках и о важном, говорили и замолкали. Смотрели друг на друга.

В это утро Клава напекла сырников.

– Ты с молоком будешь чай или с лимоном?

За окошком неслышно шел дождь. Холодало. И Юрий думал, что никуда не пойдет сегодня из дома, починит наконец дверцу шкафа. В дверь позвонили.

– В такую рань, – удивилась Клава и пошла открывать.

Юрий налил себе разогретое молоко в чай.

– Валя? – голос жены из прихожей.

И соседкин голос в ответ:

– А вы-то ничего, ни сном ни духом... Я только сейчас, мне Колька звонил, у него брат в мэрии, всё решено, вот как! Кто бы подумал, мы едим-пьем, планы строим, а они всё уже решили за нас.

– Да что ты, Валя, что? Заходи...

– Не пойду. С плохой вестью, – нет.

– Да что, что?

– Сносят нас, вот что, генплан или что там, дорога здесь будет на нашем месте.

– А мы?

– Куда прикажут. Знаешь, где дома строят? Там, где бывшая свалка, отходы химкомбината, теперь мы там будем процветать.

– Может, ничего.

– Вот так мы всегда рассуждаем, а они пользуются.

В кухню Валя так и не прошла, но сырники взяла с собой, сказала, что лучше Клавы никто их не печет, что всегда чувствует, когда Клава печет. Не запах – аромат, цветение райских деревьев.

Сидели Юрий с Клавой за столом, пили чай, решали, что делать.

– Ну, Валька – это еще не официальное объявление, мало ли что там родственники говорят. Они говорят, а решают другие, – так рассуждал Юрий.

Но только и думалось, что о падении их маленького мира.

– Еще ведь не объявили.

– Еще нет.

На свалку никак не хотелось. Да и далеко она была. От станции далеко.

– Еще неизвестно ничего.

2014, ноябрь, 10

Дома на свалке росли быстро, как будто питались отходами, бывшей когда-то жизнью, громадные дома, по семнадцать этажей, низкие тучи просачивались в комнаты через открытые фрамуги. Так представилось как-то раз Юрию в полусне.

Валентина переехала, устроилась, и они съездили к ней в гости на автобусе, долгий это был путь через промзону, мимо заброшенных и выживших предприятий, рекламных щитов, ярких и выцветших. Из новой квартиры Валентины не выветривался химический запах. У воды был металлический привкус, и чай они не допили.

Снизу посмотрели на окна Валентины и на свои будущие окна. В них отражалось заходящее солнце.

– Ничего, фильтры купим. У нас тоже вода не бог весть, жесткая вода.

– Я к ней привык.

Клава взяла мужа под руку, и они побрели к автобусной остановке.

И с каждым шагом всё ближе к старому дому в кругу тополей, и лип, и боярышника, и сирени, и рябины, и одичавших яблонь. Всё ближе и всё дальше.

Самый крайний срок переезда назначен был на середину декабря. Юрий с Клавой тянули до последнего, в конце ноября только они и остались в подъезде. Электричество отключили, и Юрий носил с собой фонарик.

В доме зажигали керосиновую лампу. Газ еще давали, хотя и плохой, желтого цвета, с ядовитым запахом, так что окно всегда держали чуть приоткрытым и слышали шорох в заледневших зарослях.

* * *

Я вижу, как поднимается по темному маршу Юрий. Фонарик освещает ему путь.

Клава приоткрыла дверь, ждет. Вода в чайнике уже закипела, чай только что заварен, горит керосиновая лампа на кухонном столе. Какой сейчас век на дворе?

Наука

Вообразите, светится экран черно-белого телевизора в углу темной комнаты. Лицо мужчины крупным планом. Очень близко.

– Вы понимаете теорию относительности? – спрашивает кто-то за кадром.

– Думаю, понимаю.

– И можете объяснить? Так, чтобы простой обыватель понял.

– Ну, это все-таки не дорогу к булочной объяснить.

– Выходит, я так и не пойму? Потому что я и про дорогу к булочной не сразу понимаю.

Мужчина улыбается. Превосходства в его улыбке нет. Скорее, растерянность. Говорит он мягко.

– Я тоже насчет дороги могу не понять. Любое понимание требует усилий. Иногда слишком больших. Иногда невозможных. Боюсь, современная наука вообще недоступна обывателю. Она требует всей жизни.

– И что в конечном счете? Откроем мы тайну вселенной?

– Не знаю.

– Еще вопрос. Может быть, вы думали об этом? Что когда-нибудь даже чтобы узнать и понять все, что открыто до тебя, человеческой жизни может не хватить. Слишком много всего накопится. Вы говорите, что сейчас надо посвятить этому жизнь, но в будущем, может статься, жизни не хватит. И это будет тупик.

Человек на экране слушает внимательно.

– Это все равно, что лететь куда-то, даже и со скоростью света, вселенная слишком велика, а жизнь коротка, даже если в полете будут рождаться дети, то есть новые люди будут сменять умерших, до края вселенной они не долетят, потому что края нет, ведь вселенная бесконечна, правда, они всегда могут вернуться назад.

– Вы хотите сказать, что познание также бесконечно?

– Так же бессмысленно.

– Вы подменяете понятия, мне кажется. К тому же полет по бесконечной вселенной не кажется мне бессмысленным.

Не все время диалога лицо занимало экран; его сменяло лицо собеседника или звезды, туманности и галактики, которые удалось разглядеть с помощью приборов. Вооруженными глазами.

«Телевизор в моем углу тоже как телескоп; я без него ничего не вижу, ни галактик, ни Вас». Эта фраза появилась на тетрадном листе в линейку, когда уже выключен был телевизор, погашен экран. Эта фраза – часть письма. Я приведу его целиком.

«Здравствуйте, товарищ Васильев, я увидела Вас по телевизору в передаче о Галактике, уснуть не могу, хочу Вас поблагодарить, что и делаю. Моя жизнь простая, натопить печь, если зима, собрать детей в школу, сейчас они в лагере, сейчас лето, я одна, но дел все равно много, не продохнуть, то полить, то сорняки, то сосед бушует, все это, конечно, Вам не интересно, но чтобы Вы поняли, как заедает быт и не знаешь, в чем смысл жизни, конечно, все ради детей, но вот, как сказано в передаче, летим на край Вселенной, рожаем детей, а все-таки не долетим, даже правнуки, и зачем нам туда, не знаем куда. Но я даже и не думала, что мы куда-то летим, я в земле копаюсь, на небо смотрю редко, да и не вижу ничего, только солнце и тучу, а тут такие красоты открываются через ваш телескоп. Я-то никогда ничего не пойму про Ваши теории. Но Вы понимаете, я знаю. И может быть, куда-то мы долетим, благодаря Вам. Сейчас вот сижу одна в доме, и все вроде бы как всегда, и денег до зарплаты не хватит, а мальчишки повзросли из пальтишек, все заботы на месте, все пригибают к земле, а я смотрю на небо благодаря Вам. Телевизор в моем углу тоже как телескоп; я без него ничего не вижу, ни галактик, ни Вас. Но

сколько же там показывают ерунды, я всё смотрю зачем-то, но вот и Ваше лицо мне явилось, благодарю. Всего Вам самого доброго, товарищ Васильев, успехов и открытий, простите, что заняла время. Александра Николаевна Золотарева, счетовод НГЧ. 15 августа 1977 года».

Женщина сложила письмо в простой конверт и надписала:

«Москва, телевидение, передача о науке, профессору Васильеву И. К.»

Через месяц она получила ответ.

«Здравствуйте, уважаемая Александра Николаевна. Меня порадовало Ваше письмо, я чувствую то же, что и Вы. Не унывайте, может, и долетим. С уважением. Игорь Васильев. Р. S. Не профессор».

Александра Николаевна положила письмецо в коробку из-под конфет, к другим письмам, их было немного: от подруги из Новосибирска, от мужа, когда он служил в армии, от матери из деревни в Горьковской области; и все эти письма пахли ванилью; сладкий ванильный запах, он и к письму Васильева пристанет, дайте время.

Первого ноября Александра Николаевна купила открытку с Лениным на броненосце и надписала:

«Здравствуйте, товарищ Васильев. Поздравляю Вас с праздником Ноября. Скорей бы снег, будет светлее, а то у нас фонари горят через один. Как продвигается Ваша наука? Есть ли успехи? Желаю Вам всяческих. И в личной жизни. Помню Вас всегда. Александра Николаевна. Москва, Фурмановский пер., д. 5, кв. 10. Профессору Васильеву».

Ответ пришел в начале декабря.

«Здравствуйте, Александра Николаевна, вот и выпал наконец снег, Вы дождались. Наука продвигается. Правда, я не уверен, что в том направлении. Но в нашем деле и ложные пути приводят к истине. В личной жизни тоже продвигаюсь. И боюсь, что (опять же) к истине. В личной жизни это полезно не всегда. Всего доброго Вам и Вашему семейству. С уважением. Игорь Васильев. Р. S. Не профессор».

«Снега даже с лишком, – написала Александра Николаевна в следующем письме. – Теперь чистить дорожки. К калитке, к сараю, к уборной; машу лопатой, Вы и не видали такой лопаты, деревянной. Машу-то больше я, детей не допросишься, да и некогда им, по учебе много задают, синусы да косинусы, Вам это родное, а мы чужестранцы. Я думала про Вас, про истину в личной жизни, я после одной такой истины мужа выгнала, это всё характер, другая бы простила. Бывает, жалею. А правда ли, что если улететь на космическом корабле далеко, а потом вернуться через неделю, то на земле пройдет сто лет и никого уже знакомых не застaneшь? Александра Николаевна. Москва, Фурмановский пер., д. 5, кв. 10. Профессору Васильеву».

В ответном письме была нарисована синей шариковой ручкой елка, человечек под ней держал в поднятой руке широкую лопату. Рисунок был в левом верхнем углу листа.

«Почему это Вы решили, любезная Александра Николаевна, – писал Васильев, – что я не видал деревянных лопат? Я, к Вашему сведению, родом из маленького городка, вроде Вашего; и дом у нас был без удобств, и ведра с водой я таскал, и дрова колот, и лопатой махал, и лопатой копал, это сейчас я столичный фраер. Про корабли. Нет таких дров, которые дали бы необходимую скорость, нет и таких людей, которые бы эту скорость вынесли. Во всяком случае, пока. Возможно, скоро выведут. С уважением. Игорь Васильев. Р. S. Не профессор».

«Здравствуйте, товарищ Васильев, снег уже почти стаял, томлюсь в больнице, гляжу в окно на сосульку, здоровье поправилось, а настроения нет. Кормежка в больнице никуда не годится, думаю, как вернусь домой и сварю шей, будет веселее. Кажется мне, будто я уже писала это письмо. В точности так сидела и вела ручкой. Науке это известно? Берегите здоровье. Александра Николаевна. Москва, Фурмановский пер., д. 5, кв. 10. Профессору Васильеву».

Поздним летом, в августе, пришел длинный белый конверт с иностранными марками.

«Здравствуйте, товарищ Васильев, три дня я боялась, что это за письмо, глядела на про- свет и прятала в комод, не знаю, как в Вашей Америке, а у нас сегодня воскресенье, накоп-

мила детей и отправила в баню, там сегодня мужской день, посуду перемыла, делать нечего, села в саду и ножиком Ваш конверт вскрыла. Что тут сказать, не порадовалась. В кармане Ваше письмо пролежало до вечера, я про него думала. Сейчас уже дня нет, ночь, луну вижу через окно и думаю про Вашу науку, раз Вам там сподручнее заниматься, то что ж. Александра Николаевна. Нью-Йорк. Профессору Васильеву». Адрес она списала иностранными буквами.

В ноябре 1987 года Александра Николаевна получила последнее письмо из Нью-Йорка.

«Не могу держать Вас в неведении, – писал Васильев. – Из науки я ушел и занялся бизнесом. Кажется, на этом пути мне везет чуть больше. По делам буду в Союзе. Вообразить не мог, что такое станет возможно. Хотел бы, с Вашего позволения, встретиться; не подскажете размеры, Вас и Ваших ребят? Здесь очень всё дешево, и джинсы, и кроссовки. Я был бы рад. С уважением. Игорь Васильев. P. S. Не профессор».

Ответ не замедлил:

«Уважаемый товарищ Васильев, очень довольна за Вашу налаженную жизнь. У нас тоже неплохо, всем обеспечены, ничего не требуется, встречаться мне некогда, дел неуворот. Александра Николаевна. Нью-Йорк. Васильеву. Не профессору».

СНЫ. Рассказ-исследование

Психоаналитический институт с детским садом-лабораторией закрыли в 1925 году. Русское психоаналитическое общество – в 1930-м. Директора института и основателя сада-лаборатории И. Д. Ермакова арестовали в 1941-м, он умер в саратовской тюрьме в июле 1942-го. Удивительно, что лабораторию сна, созданную как филиал института, не уничтожили. Она пережила тридцатые годы, войну, времена застоя, перестройку.

Более всего изумляет безмятежное существование лаборатории в тридцатые годы, когда даже всякие упоминания о бессознательном, о толковании сновидений, о Фрейте, казались (и были) немыслимы. Между тем в лаборатории занимались в числе прочего и толкованиями сновидений, – более-менее по Фрейду.

Вопрос нас¹ занимал и стал толчком для исследований.

Нам посчастливилось отыскать частично сохранившийся архив лаборатории. Кроме прочего, мы нашли в нем сценарии сновидений. Сценарии в самом прямом смысле слова. Один из них и показался нам ключом к разгадке. Мы датировали сценарий 1934 годом. К обоснованию датировки вернемся чуть позже, а пока объясним, что это были за сценарии.

Сновидцы, которых наблюдали в лаборатории, пересказывали подробно свои сны, рассказы записывались как сценарии, затем по ним снимали фильмы.

Фильм должен был приблизиться ко сну как можно больше. В процессе работы проводились беседы со сновидцами, порой под гипнозом. Избранные ночевали в особом помещении лаборатории, в тишине, темноте и покое (впрочем, порой условия эксперимента менялись). Спящих подключали к приборам, которые отмечали их состояние во время сна вообще и во время сновидения в частности. Как-то: давление, пульс, температура тела. С помощью электродов записывались электрические сигналы от различных частей коры головного мозга. Наблюдала двигательную активность.

Сон, снятый на пленку сон, ставший фильмом, демонстрировали сновидцу, – иногда погруженному в гипнотический транс, – также снимая показания. Показания во время сна и во время фильма сверялись. Если совпадение показаний оказывалось низким, фильм переснимали, руководствуясь замечаниями сновидца.

Разумеется, сновидцами выступали люди от природы чуткие к снам, умеющие их запоминать и пересказывать. К этой теме мы еще обратимся, а пока, с вашего разрешения, вернемся к сценарию, ставшему, на наш взгляд, разгадкой занимавшего нас вопроса.

Страница машинописного текста с правкой чернилами и простым карандашом. Бумага окислена.

Приведем текст полностью:

Он сидит и пишет под светом настольной лампы. Мы не видим лица, мы видим только бумагу, руку с карандашом, бегущую по листу строку.

Рука замирает.

Очевидно, пишущий поднимает голову, мы видим его глазами...

...лес.

¹ Эта странная манера некоторых ученых писать о себе во множественном числе (нас, мы, нам) долгое время меня раздражала, я требовала замены расплывчатого «мы» на конкретное «я»; но в данном случае решила сделать исключение и оставить публикацию его «мы»; благодаря теме, благодаря упоминанию Фрейда с его теорией множества лиц, сосуществующих в одном. Будем считать, что моя уступка посвящена Фрейду.

Становится ясно, что массивный устойчивый стол, за которым сидит пишущий, находится прямо в лесу.

Трепещущие узорчатые тени сквозь листву, трепещущий свет.

Небольшая птица (дрозд?) садится на ветку березы, смотрит круглым глазом. Вспархивает.

Становится сумрачно и тихо. Ни шелеста, ни проблеска.

Вдруг желтый лист березы опускается на исписанный лист бумаги.

Золотое пятно поверх строк.

Тот, кто писал, подымается.

Он идет через лес, проламывается через заросли.

Темно, темно.

Кровь на руке, ободрал руку.

Все так же темно, но уже свободнее. Легче идти. Деревья выше. Это сосны. Колоннами.

Нет леса. Чувствуется, что он за спиной. Впереди пусто. Пустое темное пространство.

Он стоит на краю провала, пропасти, обрыва.

В тишине появляется звук. Как будто бы гудок машины, очень дальний.

Он всматривается вниз и начинает различать огоньки, бледную цепочку.

Огоньки движутся. И в то же время становится светлее, встает солнце. Утреннее веселое солнце освещает город внизу.

Аэростаты рыбами плывут в небе. Бегут машины, весело звенят трамваи, поезда идут по воздушным мостам, рассыпают огненные искры. На шпиле громадной башни сияет звезда².

Каждый сценарий в архиве лаборатории хранился не сам по себе, а подшитым в папку с приказами, раскадровками, фотопробами, справками, зарисовками, – с теми бумагами, которыми обрастает любой сценарий в процессе производства. На обычной киностудии подобные папки назывались фильмовыми делами, от них папки лаборатории отличались наличием фото-портрета сновидца и описанием его жизни, во всяком случае, тех моментов его жизни, которые могли бы пролить свет на смысл записанного в виде сценария сновидения, как то и требовалось по Фрейду. Толкование также прилагалось. Иногда толкований бывало несколько. Допускал ли подобное Фрейд, нам неизвестно.

В папке с вышеприведенным сценарием ни фотопортрета, ни биографических сведений, ни толкований не нашлось. Либо никогда не было, либо их изъяли.

Приведем перечень документов, подшитых в папку, полностью:

1. Сценарий. 1 л.
2. Раскадровка с указанием происходящего в каждом кадре, в том числе шумов. 3 лл.
3. Фотографии предметов: настольная лампа в нескольких ракурсах, письменный стол в нескольких ракурсах, карандаш, исписанный лист бумаги, текст на листе неразборчив. Всего 15 шт.
4. Карандашные наброски леса, утреннего неба и открывающегося взору города. Всего 10 шт.

Папки в лаборатории были пронумерованы и хранились в порядке номеров. Под соответствующими номерами хранились и коробки с пленкой в фильмотеке лаборатории. Также в фильмотеке имелся журнал выдачи и приема фильмов (экранизированных снов) с записями такого рода:

«№ 34 – просмотрный зал – 22 июня 1930 – выдал А. Аникин».

Где № 34 – номер выданной коробки с фильмом.

² От публикатора: напоминает город будущего с дореволюционной открытки кондитерской фабрики «Эйнем».

Возвращение коробки на место отмечали так же, только вместо «выдал» писали «принял».

Папка с интересующим нас сном имела номер 630. Значит, и коробка с фильмом по этому сну была под номером 630.

В журнале выдачи мы обнаружили 10 записей по 630 номеру. Все они датированы 1934 годом. Десять записей – с 30 октября по 12 декабря включительно. Выдавал и принимал А. Аникин, но не в просмотровый зал, а в Кремль.

Сон о городе будущего был не единственным, востребованным Кремлем, но он был наиболее востребованным. Во всяком случае, если судить по записям в журнале.

И. В. Сталин любил кино. О ночных сеансах в Кремле опубликовано немало материалов. Мы обращаем ваше внимание на публикации записей тогдашнего главы советской кинематографии Б. З. Шумяцкого в журнале «Киноведческие записки» (№ 27 за 1995 год, с. 76–89 и № 61 за 2002 год, с. 281–346). Записи представляют собой конспекты бесед со Сталиным; хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 828 и 829).

До сих пор не было известно, что на подобных ночных сеансах в Кремле И. В. Сталин смотрел киноматериалы из лаборатории сна. К сожалению, никто не вел, подобно Шумяцкому, записей бесед по поводу этих просмотров. Во всяком случае, нами они не обнаружены.

Мы рискуем предположить, что лаборатория сна существовала именно благодаря любви И. В. Сталина к кино. Очевидно, он считал экранизированные сны отраслью кинематографа; гипноз и толкование по Фрейду оставались в данном случае необходимым злом. Кроме того, вождю было любопытно заглянуть в подсознание своих подданных. Этому искушению он противиться не мог.

Мы допускаем (с большой долей вероятности), что сон № 630 о городе будущего был сном самого И. В. Сталина.

Вождю захотелось узнать кухню съемок сновидений, и он свое любопытство удовлетворил.

У нашего предположения нет достаточных оснований, но все же мы нашли нужным его обнародовать. К тому же имеются достоверные свидетельства, что киноотдел лаборатории снов был создан по личному распоряжению И. В. Сталина.

Приведем до сих пор не опубликованный фрагмент записей Б. З. Шумяцкого и – затем – выдержку из дневника режиссера Е. В. Данилова.

Записи Шумяцкого (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 828. Л. 11а):

Замечания И. В. по просмотру картин с 7.V с 23 часов по 2 часа утра 8.V-1934 г. о фильме „Лед“

И. В. Хороший фильм, держит в напряжении от начала до конца. Ничего лишнего. Насчет финала у меня есть вопрос.

Б. Ш. Вам не понравился финал, тов. С.?

И. В. Финал мне очень понравился, но вопрос есть. Но думаю, что не к вам, а к сценаристу.

Б. Ш. Насколько я знаю, в сценарии был другой финал.

И. В. Любопытно. Организуйте нам встречу.

Б. Ш. Извините, я уточню: с режиссером?

И. В. С тем, кто придумал финал. Весь этот поворот с Колычевым. Завтра вы сможете? И фильм мы еще раз посмотрим, очень хороший фильм.

Из дневника режиссера Евгения Викторовича Данилова (РГАЛИ. Ф. 1003/2. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 31–33):

10 мая 1934

...зажегся свет. ИВ некоторое время молчал, и все молчали. Кто-то из приглашенных кашлянул, ИВ взглянул на него строго и обратился ко мне:

– Товарищ Шумяцкий сказал, что в сценарии был другой финал, какой?

– Да. Там Колычев был одной краской написан, черной. Я так и думал снимать. Но вот.

ИВ улыбнулся. Спросил:

– Почему же случилось это „но вот“? Расскажите.

– Колычев мне приснился. Мы еще не выбрали актера. Я как раз этим был занят, пробами.

ИВ живо заинтересовался:

– И кто же пробовался?

Я перечислил актеров³ и продолжил:

– ...Но все было не то. Я не представлял, какое у него лицо, какой голос, походка. Я только понимал, что эти люди не подходят. Я измучился. И он мне приснился. Я видел его отчетливо, как под линзой. Мелкий порез от бритвы видел на лице. Застывшие в усах крошки серого хлеба, будто он только что ел. И кислый хлебный запах я слышал во сне.

– Так вот откуда эти крошки.

– Да, из сна. И глаза посажены глубоко, спрятаны. В иной момент он поворачивается, и кажется, что их нет. Провалы на их месте, как будто этот человек уже при жизни покойник.

– Помню, очень сильный кадр.

– Утром я сообразил, что видел это лицо прежде сна. В газете, фоторепортаж из Саратовского театра. Я разворошил старые газеты и нашел.

12 июня 1934 года

Сегодня утром я работал над сценарием. Позвонил телефон, я взял трубку. Голос что-то пробурчал, я не расслышал, мысли были заняты сценарием, я только сказал с досадой:

– Что такое, я занят, говорите четче.

Голос сказал, что на какую-то научную студию нужен режиссер, что-то начал говорить насчет зарплаты, но я его прервал и сказал, что сейчас загружен работой и ни о какой другой работе помыслить не могу.

На студии ночью я смотрел материал, показ прервали, редакторша испуганно попросила подняться в кабинет. Я потащился за ней, тихо матерясь и желая всему начальству гореть в аду. В кабинете никого не было, на столе лежала черная трубка телефона. Я поднял ее, поднес куху и услышал, как тихо закрывается дверь в кабинет, я обернулся, редакторши не было, оставила меня одного. Я услышал негромкий голос ИВ.

– Товарищ Данилов, я знаю, что у вас много работы, и прошу об одолжении. При научной лаборатории решено создать киностудию, им нужен режиссер. Про правде сказать, это была моя идея. Она мне пришла на ум после нашей с вами беседы. Помните? Вы рассказывали о приснившемся вам персонаже. Мне кажется, вы лучший кандидат.

У меня пальцы похолодели. Неужели я на самого товарища Сталина рявкнул утром?

– Подумайте до завтра, – между тем сказал ИВ.

И положил трубку.

³ Примечание исследователя: В дневнике режиссер перечень актеров не приводит. Однако в архиве Мосфильма сохранились фотопробы Бориса Бабочкина, Леонида Утесова, Михаила Жарова, Николая Крючкова, Владимира Колчина и Петра Савина.

Личное дело Евгения Владимировича Данилова сохранилось. Приказ о принятии его на должность главного режиссера киноотдела подписан директором лаборатории сна 16 июня 1934 года.

Насколько нам удалось выяснить, с этого времени Данилов в кино не работал. Во втором томе аннотированного каталога Госфильмофонда он упоминается единожды – как соавтор сценария фильма «Расчет был верен». Судя по аннотации, содержание фильма (он не сохранился) совпадает со сценарием, от работы над которым Данилова оторвал телефонный звонок 12 июня 1934 года. (Нам повезло найти сценарий в архиве студии Горького.) Возможно, работа на новой должности забрала все силы Данилова. Как бы то ни было, выбирать ему не пришлось.

Мы не знаем, что он думал о своей так и не сложившейся в кинематографе судьбе. Чего ему стоил этот уход из мира кино?

Страдал ли он от неудовлетворенных амбиций, желаний, надежд? Дневник об этом умалчивает.

Но вернемся к личному делу Данилова – главного режиссера и руководителя киноотдела лаборатории сновидений.

Автобиография

Я, Данилов Евгений Владимирович, родился 5 мая 1902 года в селе Путятино Сапожниковского района Рязанской губернии. В 1914 году зимой наш дом сгорел, погибла моя старая бабка и годовалый брат. После пожара поехали в Москву к дяде. Отец и мать устроились на завод Дукс. Я поступил в ремесленное училище им. К. Т. Солдатенкова⁴ в 1916. По окончании училища работал на заводе Дукс. В 1918 товарищ позвал меня в актерскую студию. В студии мне понравилось тренировать тело и выполнять сложные гимнастические этюды. И выступать на публике.

В 1921 году я поступил в Госкиношколу. Сначала учился на актера, через полгода перешел к режиссерам. Снялся в нескольких фильмах. Работал помощником режиссера. Первая самостоятельная работа – «Интервал» (1930 г, Совкино).

Женат на актрисе Галине Никитичне Лапиной. Две дочери, 1929 и 1930 года рождения. Беспартийный.

Спешим предупредить читателя, что ведем рассказ не только о судьбе киноотдела лаборатории сновидений. И не совсем о жизненном пути Е. В. Данилова. Предметом нашего интереса являются воплощения снов.

Сон, ставший вдруг реальностью (пусть лишь на киноэкране), ставший достоянием чужих глаз, ставший объектом, – вот что нас привлекает. Мы рискуем уподобить воплотившийся сон явлению существа из мира духов в земной мир, из потустороннего – в посюстороннее.

Таким образом, покончив с необходимым объяснением, перейдем к собственно историям воплощений.

⁴ Примечание исследователя: «Ремесленное училище имени К. Т. Солдатенкова состоит в ведении Московского Купеческого Общества и имеет целью обучать разным ремеслам, относящимся к техническому производству, подготавливая технически грамотных, могущих сознательно относиться к порученному им делу рабочих, а не руководителей труда... Курс учения четырехлетний, и каждый учащийся получает специальное обучение по одному из следующих ремесел: слесарное, токарное по металлу, модельно-литейное, столярно-деревооблочное и электротехническое. В училище преподаются следующие предметы: Закон Божий, русский язык, история, география, арифметика, геометрия, физика и механика, описательный курс деталей и конструкции машин, электротехника, технология, черчение, рисование и гигиена и кроме того имеются практические занятия по соответствующим ремеслам. Обучение в училище производится бесплатно. В училище принимаются приходящими дети мужского пола всех сословий и вероисповеданий. В 1 класс училища принимаются дети со здоровым телосложением в возрасте от 12 до 15 лет по конкурсным экзаменам» (справочник «Вся Москва. 1917»).

История первая

Мы не сразу решились привести ее здесь, тем более в качестве начального примера. Но в конце концов нам стало очевидно, что эта яркая, хотя и странная иллюстрация должна найти место в нашем повествовании. И, так как мы излагаем материал по хронологическому принципу, это место необходимо является первым.

Следует напомнить читателю, что в лаборатории было несколько штатных сновидцев, чрезвычайно способных к видению и запоминанию снов (то есть показания описанных нами в преамбуле приборов совпадали во время сновидения и во время кинопросмотра на 90 % и более).

Мария Сергеевна Коготко была одной из лучших. Из личного дела мы можем почерпнуть о ней некоторые сведения:

1900 года рождения. Место рождения – Москва. Из мещан. Не замужем. Инвалид (покалечена стопа правой ноги). До революции работала на книжном складе «Наука».

25 августа 1936 года она увидела сон. Мы приведем его сценарий:

Она (Мария Коготко) стоит на берегу шумной стремительной реки.

Воздух серый, сумрачное насуспенное небо. Ветер рвет платье.

Мария ступает ногой в тяжелом высоком ботинке с берега в поток.

Оступается, кричит.

Поток несет ее.

Сильные руки подхватывают Марию, поднимают над потоком.

Марию несут на руках через поток.

Шумная грозная река внизу, вдали. Как будто Марию несет великан.

Мария смотрит в лицо великану. Она видит, что это – Евгений Данилов.

Он несет ее через поток.

Наклоняет к ней лицо и касается губами лба.

В дневнике Евгения Владимировича мы нашли несколько записей, касающихся съемок вышеприведенного сценария. Из них явствует, что для воплощения сна Марии был применен прием комбинированных съемок. Данилов нес Марию на руках в павильоне. Реальный же поток и Марию на его берегу снимали на Северном Кавказе (кинолаборатории выделяли достаточно средств для необходимых экспедиций). Затем снятые кадры совмещали (комбинировали), так что у зрителя возникала иллюзия того, что Евгений Владимирович несет Марию через бурлящий поток.

В течение месяца сон был записан, снят, смонтирован, озвучен, перемонтирован и готов к просмотру, каковой состоялся 30 сентября 1936 года в обычном лабораторном режиме. Показания приборов были зафиксированы и подшиты к делу.

Через день в дневнике режиссера появилась следующая запись:

2 октября, 3 часа 15 минут утра

Мария сказалась больной и другой возможности ее повидать у меня не оставалось. Я приехал за объяснением, и я его получил.

Мария живет в небольшой узкой комнате, окно ее смотрит на Москва-реку.

Мария принесла с кухни чайник. Чай мы пили за столом у окна и смотрели на реку, совсем непохожую на бурный горный поток. Чашки тонкого фарфора Мария сохранила от прежней жизни.

Она сказала, что чувствует себя лучше, болела голова, но сейчас легче.

Чай крепкий, сладкий. Были к чаю баранки. На стене висел в рамке фотопортрет строгой женщины с поджатыми губами, она стояла положив руку на спинку стула, на стуле сидел военный с георгиевским крестом на гимнастерке. Родители Марии.

Я спросил:

– Зачем вы это сделали?

Она ответила:

– Ну хоть во сне.

Про то, что и сна никакого не было, мы говорить не стали. Пили чай и смотрели, как по реке плывет баржа.

Я сказал Марии, что если бы не инвалидность, то я бы настаивал на ее увольнении, и что если подобное повторится...

– Не повторится, – разумеется, ответила она.

Она сказала, хотя я не спрашивал, что точно так же, как сейчас, была влюблена в женатого мужчину, когда работала на книжном складе. Они переписывались, она сообщала ему о вышедших новинках. Он был медик и занимался патогенными. Привозил ей муку в 1918 году, работал в то время в госпитале в Ярославле и мог достать.

Дома она ходит в мягком шерстяном носке на здоровой ноге и в тяжелом ботинке на больной. Она инвалид от рождения.

Я сказал, что вынужден буду написать объяснительную записку по поводу ее сна.

Затем сказал, что мне пора.

Она затворила за мной дверь.

По дороге домой я вспомнил, как прошлой осенью мы сажали яблони, я выбил разрешение, привез саженцы, и мы посадили антоновку, золотую китайку и московскую грушевку, всего пятнадцать деревьев. Мария старалась во всем помочь, копать ей было несподручно, она таскала воду, раскраснелась, смотрела счастливыми глазами и говорила, как это здорово, что у нас будут свои яблоки. Пахло землей, прелыми листьями, я вспоминал деревню. Евдокия из столовой обещала нам печь с яблоками пироги.

– Главное, – говорила, – чтобы мальчишки не лазали и не трясли.

– У нас же есть сторож. – Я смеялся.

Все смеялись. Счастливые дни.

Объяснительная записка по поводу сна Марии также сохранилась в личном деле Данилова. Приведем ее фрагмент:

...Несовпадение показаний приборов во время сна и во время кинопросмотра объясняется тем, что сон был полностью выдуман Марией Коготко и не соответствовал действительности.

По этому поводу с М. Коготко была проведена беседа. М. Коготко дала слово, что подобное более не повторится. Я готов за нее поручиться.

Режиссер Е. В. Данилов. Киноотдел.

3 октября 1936 года.

Мария Коготко ушла из лаборатории, ее заявление об уходе («по здоровью») датировано этим же днем.

Мы уже отмечали, что развернутых свидетельств о кинопросмотрах снов в Кремле нами не обнаружено. Действительно, дневниковые записи Е. В. Данилова по этому поводу лапидарны, они, как правило, состоят из даты и фразы: «Просмотр в Кремле». Осторожность, дели-

катность – это или что-то иное стало причиной такой краткости (или скрытности), нам неизвестно. Но по поводу просмотра выдуманного Коготко сна запись чуть более развернута:

ИВ сказал:

– Так ведь не было никакого сна.

– Не было, – я подтвердил.

– Влюблена.

– Я не знал.

– Она ушла из лаборатории? На что существует?

– Говорят, шьет.

Я был готов провалиться сквозь землю. ИВ посмеивался и наблюдал за мной.

Судя по записям в журнале выдачи, Сталин смотрел «сон» Коготко трижды.

Истории вторая и третья

В октябре 1941 года киноотдел был эвакуирован в Казахстан (вместе с «Мосфильмом», одним эшелонам). В здании остались сторож Никитин и его внучка десяти лет (они постоянно проживали в каморке при киноотделе лаборатории и отказались от эвакуации; сторож исполнял и функции дворника).

Ныне внучка сторожа Ольга Николаевна Серегина-Томпсон проживает в США. Нам удалось ее разыскать. Ольга Николаевна с радостью согласилась написать свои воспоминания о детстве при киноотделе. С любезного согласия автора мы публикуем их фрагмент:

...киноотделу передали старую усадьбу, ветхую, разграбленную, с наглухо заросшим крохотным садом на задах. Помню разваленную каменную ограду, скрипучие полы, запах нечистот, выбитые рамы, черные оконные провалы. Евгений Владимирович, он бы, наверно, в другие времена, стал купцом, хозяином, он собственно и был хозяином, он привел всё в идеальный порядок, что-то выбивал, какой-то материал, с кем-то договаривался, работал чуть не сутками, за всем следил, всё продумывал, где что должно быть, рассчитывал, чтобы всё было отлажено, чтобы люди спокойно работали, чтобы были условия, организовал отличную столовую. Умный был мужик, с очень умными глазами, спокойный и деятельный, я, пигалица, была в него немного влюблена.

Фильмохранилище организовали в прекрасно оборудованном подвале. Раньше фильмы снимали на горючую пленку, и все боялись пожаров. Евгений Владимирович как-то так придумал со знакомыми инженерами, что в случае огня подвал заливали водой. Причем подвал был разделен на автономные отсеки, как «Титаник», хотя в данном случае это не совсем уместное сравнение.

Я с дедом во всем этом обустройстве принимала самое деятельное участие, дед был старинным знакомым Евгения Владимировича, он у него снимался, фильм сохранился, у меня есть на диске, берегу. Отца я не помню, он от нас ушел, мне было год или два, мать билась со мной одна, не снесла жизни, ослабла и ушла в мир иной, – дед в него верил, а я – тогда – нет.

Квартирка у нас была крохотная, в первом этаже, одна маленькая комната, я ее очень любила. Окошко выходило в сад, летом я его отворяла и сидела на подоконнике. Дед сторожил в будке на входе, проверял пропуска. Был еще приходящий сторож, они работали с дедом посменно; его я плохо помню, какой-то рыжеусый, пахло от него всегда хлебом, приятно.

Смены бывали ночные, по ночам киноотдел не закрывался, и съемки по ночам, и какие-то совещания.

В эвакуацию так уговаривал Евгений Владимирович деда поехать, но дед нет, ни в какую. Кто за домом присмотрит? Мы все называли киноотдел домом. Ауж как меня уговаривали, оба они, и дед, и Евгений Владимирович уговаривали. Но я ни за что, – не хочу, хоть вяжите, веревки перегрызу и сбегу. Уперлась, не переломили. И дед доволен был, я чувствовала. Хотя и боялся за меня. Как оно все обернется, кто же знал.

Бумаги мы не жгли, а почти вся Москва жгла бумаги, пепел летал над Москвой в те дни. Мы всё снесли в подвал, весь архив, разместили. Техника поехала с нашими в Казахстан, там они на объединенной студии потом работали вместе со всеми, не только сны, боевые сборники тоже снимали. Война. А мы с дедом все заперли, за всем смотрели, когда воздушная тревога, забирались на крышу, тушили зажигалки. Дед говорил, что Москву не возьмет немец, никогда.

У меня появилось развлечение, запретное, в общем, я и деда соблазнила. Кинопроектор в зале оставался, его в эвакуацию не взяли, а я была смышленная, сообразила, как пленку заряжать, как чего, и мы с дедом, случалось, устраивали себе киносеансы, смотрели чужие сны. Деду очень понравился один про Париж, это я по Эйфелевой башне поняла, что Париж. Насколько я могу сейчас по памяти судить, снимали и в самом деле в Париже. Барышня в этом сне пила кофе за крохотным столиком, он стоял прямо на мостовой, и нам с дедом это было чудно. Барышня сидела не одна, с молодым человеком, они всё молчали и не смотрели друг на друга, он курил длинную папироску, вдруг голубь опустился к ним на стол, они растерялись, а голубь нахально топтался по столу, крошку какую-то склюнул. И вдруг взлетел, и они оба головы подняли и глядели, как он становится точкой в небе.

Барышня посмотрела на молодого человека, как будто хотела ему что-то сказать, а он поднял лорнет и строго посмотрел на барышню большим увеличенным глазом.

Что этот сон означал, мы с дедом никак не могли знать. Евгений Владимирович объяснял мне, что так запросто сон не поймешь, надо знать того, кто этот сон видел, понимать обстоятельства его жизни, страхи и желания; именно это отражается во сне – страхи и желания.

– Сон – это зеркало, но зеркало кривое, – так примерно говорил Евгений Владимирович, и я запомнила на всю жизнь.

Он любил мне объяснять, я живо интересовалась, его родные дочери не особенно любили наш дом, им жалко было, что отец перестал снимать игровое кино, а то бы стал великим режиссером. Это все мать им наверняка дома наговаривала, раньше он снимал ее в своих фильмах, а теперь она мало снималась и всё на вторых ролях.

Сейчас я бы сказала, что чужой сон, увиденный другим человеком, становится его собственностью, наполняется его смыслом.

Дед любил сон про голубя, а мне нравились страшилки. Больше всего я смотрела про человека в длинном черном пальто нараспашку. Он был очень худ, шагал стремительно, пальто разлеталось черными крыльями. Лицо у него было неподвижное, белое, героиня сна видела его за черным ночным окном как лицо луны. Затем она шла одна переулком, оглядывалась и вновь видела его в разлетающемся пальто, она ускоряла шаг, он тоже, его шагов не было слышно, он как будто бежал чуть над землей, по воздуху, беззвучными шагами, она неслась от него, петляла, врывалась в дом, захлопывала за собой дверь, дом весь состоял из одной комнатки, очень похожей на нашу с дедом.

И вот она захлопывает дверь, загоняет засов в паз. Стоит лбом к двери, прислушивается. Тихо-тихо за дверью. Тихо-тихо в комнате. Как в склепе. Она отворачивается от двери и видит бледнолицего в черном пальто. Он сидит к ней в профиль. Она смотрит, приближается. Протягивает руку, касается его плеча, рука проваливается. Его нет на стуле, она одна в комнате.

Я смотрела этот сон несчетное число раз.

И вдруг увидела его героя наяву, в горбатом московском переулке в сорок первом году.

Он шел в своем разлетающемся пальто и смотрел под ноги. Я отправилась за ним следом, пахло гарью. Переулок, как обычно в Москве, кружил. Показалась внизу церковь, исчезла, переулок покотился в сторону.

Мужчина вошел в арку старого особняка, я решила следовать за ним. Он уже успел пройти арку.

Я вступила из арки в тихий двор и увидела, что женщина развешивает белье, а мужчина в черном пальто приближается к ней.

Он остановился. Смотрел, как она накидывает на веревку мальчишковые рубашки, полотенца, насаживает сверху деревянные темные прищепки.

Он смотрит, смотрит на нее. С белья капает в пожухлую траву. Скрипит оконная рама во втором этаже, стекло отбрасывает световой блик. Таз с бельем пустеет, женщина подходит к мужчине. Смотрит на него. И застегивает ему пальто. На все пуговицы. И у меня, соглядая, это вызывает болезненное, щемящее чувство жалости. То ли к нему, то ли к ней, то ли к себе, то ли ко всему миру, со всеми его звуками, запахами, отсветами и живыми душами.

В том, что герой сна и увиденный мной мужчина – одно лицо, я нимало не сомневалась, я изучила его на экране досконально.

Киноотдел вернулся в Москву в 1943 году, это было счастье увидеть их, обнять, Евгений Владимирович поражался тому, как я выросла, целовал деда и говорил, что выпишет премию за то, что сберег народное достояние <...>

В июне сорок пятого вернулся с фронта один из наших сновидцев Михаил. Он ничего не рассказывал о войне. Ходил в гимнастерке без погон, любил сидеть на лавке в нашем маленьком саду и дымить папироской. Скоро после возвращения ему приснился сон о войне.

Солдат шел по освещенному солнцем редкому лесу. Худой, с заросшим лицом, оборванный, шел, пробирался, вдруг под ногой шелкнула, переломилась ветка, и он замер. Стоял неподвижно, всматриваясь, вглядываясь, внюхиваясь.

Всё так же всматриваясь и вглядываясь и внюхиваясь, он осторожно снял из-за плеча винтовку, дрожащей грязной, с обломанными ногтями, рукой взвел курок.

Ничего вроде бы страшного не происходило. Солнце пробивалось сквозь листья, гудели насекомые. Несколько берез стояли со срезанными осколком макушками.

Он видел всю мелкую лесную жизнь, муравьиное копошение, блеск паутины в черных ветвях, висящего на тонкой нити паука, летящий, уже пожелтый лист.

Тихо. И он успокоился, опустил винтовку; и вдруг она жახнула громовым выстрелом, и солдат ее выронил, бросился ничком на землю, закрыв ладонями голову, и всё замерло в лесу, всякая жизнь.

Евгений Владимирович замучился снимать этот фильм. Играть солдата позвали молодого актера из театра, совсем мальчишку, внешне он подходил. Не брился недели три, ногтями землю копал, чтобы соответствовать образу. Но всё никак не мог попасть.

– Он сытый, сытый! – кричал Михаил.

И:

– Страх нет, страха!

В конце концов сам приволок парнишку с улицы.

– Вот, – сказал, – он сыграет.

Евгений Владимирович спорил, тыкал в сценарий:

– Вот же, – говорил, – твое описание, этот совсем не подходит, он другой.

– Нет, его снимать будем.

Как будто бы Михаил режиссер и главный, а не Евгений Владимирович. Взял власть. И Евгений Владимирович отступил; как хочешь, сказал. И сняли. И вышло, что этот парнишка лучше сыграл, что надо сыграл, хотя по внешности был другой, чем привиделся во сне, и

ростом, и лицом. И показатели все совпали, вот что. Кто-то из лаборатории на этом диссертацию потом защитил.

Уже после съемок я застала их на лавке, Михаила и Евгения Владимировича. Поздний уже был час, темный. Они пили водку из стаканов, взяли, наверно, в столовой, закусывали падалицей, курили, молчали. Евгений Владимирович вдруг сказал, что много раз просился на фронт, но всё отказывали.

- И хорошо, – отвечал Михаил.
- Как я могу снимать войну, я ее не видел.
- Да ну ее совсем.

В 1955 году в киноотдел пришел выпускник киноведческого факультета ВГИКа Алексей Степанович Невнятов. На фотографии в личном деле мы видим молодое лицо.

Светлая челка, светлые глаза, узкие твердые губы, немного оттопыренные уши.

По воспоминаниям жены Алексея Степановича, Нины Андреевны, он был небольшого роста, худощавый, фигурой и в зрелом возрасте походил на подростка. Говорил ровно, голос не повышал, из себя не выходил, в глаза собеседнику смотрел редко.

Весной 1960 года Евгений Владимирович пережил инфаркт, ходил с палочкой и часто так задумывался, что не откликался. В октябре он ушел в отпуск, после которого на работу не вернулся.

Последним документом в личном деле Евгения Владимировича Данилова стала рекомендация молодого киноведа А. С. Невнятова на должность главы киноотдела.

«...Я считаю, – писал Евгений Владимирович, – что руководить киноотделом не обязан режиссер, им может быть и киновед, в том случае, если у него достаточно организационных способностей, если он вполне понимает кинопроизводство и научные цели лаборатории. Последние несколько лет в связи с моим нездоровьем большинство обязанностей по руководству так или иначе исполнял А. С. Невнятов и лучшего заместителя я не мог желать. Невнятов хорошо знает молодое поколение режиссеров и, таким образом, лучше понимает, кого именно из них необходимо пригласить на съемки того или иного сна.

Я буду спокоен, если моя просьба по назначению А. С. Невнятова будет удовлетворена...»

Просьба была удовлетворена, и 1 ноября 1960 года, – по записи в личном деле, – Алексей Степанович Невнятов приступил к своим обязанностям.

Надо сказать, что к полученному наследству, – к дому и саду, – Алексей Степанович относился бережно; хозяйство при нем не разрушилось и не пришло в упадок. Ровный, незаметный человек умел выбить для лаборатории новейшее оборудование, умел уговорить маститого режиссера снять минутное сновидение. Впрочем, он предпочитал приглашать режиссеров немаститых. Корифеи не желали понимать, что снимают не свой собственный сон. Они присваивали себе чужие сны, наполняли их собственным смыслом.

К сожалению, Алексей Степанович не вел дневников, и все, что мы знаем о нем сегодня, почерпнуто нами из документов, деловой переписки и бесед с его вдовой.

Дневников он не вел, но оставил десять общих тетрадей, а в них – переписанные от руки тексты: «Повести Белкина», «Капитанская дочка», начало «Героя нашего времени». По свидетельству Нины Андреевны, таким образом он пытался выучиться писать, выработать стиль. Но писательскими амбициями Алексей Степанович не страдал.

Через несколько лет руководства, в 1963 году, Невнятов ввел в практику киноотдела съемку литературных снов (сны Онегина, Татьяны, Гринева и др.). Ученые не понимали смысла

этой затеи, но предпочли согласиться. Как сказал на заседании ученого совета профессор А. Л. Кириллов – «от нас не убудет»⁵.

Впоследствии проблемы, связанные с киновоплощением литературных снов (идентичные с проблемами киновоплощения любого литературного произведения) все же вызвали их любопытство.

При Алексее Степановиче каталогизировали архив сценариев и фильмов.

Архив был востребован чрезвычайно, не только учеными, но и кинематографистами. Воплощенные сны явились уникальной возможностью заглянуть в прошлое; они сохранили приметы времени: быт, язык, лица. Все то, что даже неигровой кинематограф улавливает скупое и небеспристрастно.

Кроме того, не стоит забывать, что режиссеры, операторы, художники, – все, кто принимал участие в съемках снов, – зачастую решали сложнейшие технические задачи (полеты, превращения и т. п.); и это в то время, когда и помыслить о чем-либо вроде компьютерной графики никто не мог. Их достижения становились предметом восхищения новых поколений кинематографистов.

Истории четвертая, пятая и шестая, заключительная

Неоценимую помощь в наших разысканиях оказала Анна Семеновна Поливанова, заведующая фильмотеккой киноотдела с 1986 по 1998 год. Приведем расшифровку нашей с ней беседы (вопросы мы опускаем):

Я пришла в отдел совсем девочкой, без всякого образования. Учиться мне не особенно хотелось дальше после школы. Я вообще не знала, чего мне хочется, куда. Мать сказала: иди работать. Жили мы тут недалеко, я мимо их здания часто ходила, но что там, не представляла; какой-то институт – только это. Еще маленькой я мимо них ходила, смотрела за ограду. Все там было мне красиво: здание старое, высокие окна, в них иногда какой-то свет мелькал, огни. Я не воображала, что когда-нибудь окажусь внутри. Какие-то надписи из выпуклых букв на стенах между окон. Что за надписи? Вроде бы русские буквы, а никак не складываются. Это я все из-за решетки когда смотрела. И вот мама мне сказала: иди работать; и я пошла к ним. Даже не знаю, чего я вдруг разлетелась. Шла мимо и решила. Вот так.

На входе в будке сидел охранник, пускал по корочке. Я не знала, что ему сказать, стояла и не уходила. Топталась на осеннем ветру. Из дома на крыльцо вышел мужчина и закурил. Он стоял под навесом у белой колонны, смотрел на старую антоновскую яблоню, летели сухие листья.

Он бросил окурочек в урну, сошел с крыльца и направился по дорожке прямо к нам. Мне захотелось убежать, но я осталась. Он приблизился и спросил, чего я тут торчу. Охранник стал жаловаться, что уже гнал меня.

– Я ж не тебя спрашиваю, – он его оборвал.

Это меня отчего-то подбодрило, и я спросила насчет работы. Он спросил, умею ли я читать и писать, я напугалась, что он меня спросит насчет надписей, но сказала, что умею. Он посмеялся:

– Не очень-то вы решительно это говорите.

Он со всеми был на вы, Алексей Степанович. С самим директором я разговаривала, вот как.

Он сказал, что у них есть для меня важная, ответственная должность, и велел охраннику меня пропустить. И я прошла за ограду. Я как будто вошла в сказочный замок. Сам хозяин

⁵ Примечание исследователя: см. протокол заседания от 5 ноября 1963 г.

меня провожал. Поднялись на крыльцо, и он меня пропустил в дверь. Церемонный был человек. Очень при нем все было спокойно, ровно, без шума. Провел он меня самым обыкновенным коридором в самый обыкновенный кабинет и сдал с рук на руки тогдашней заведующей Римме, она свое отчество никому не говорила. Она меня выучила писать карточки для каталога.

Как мне у них понравилось, я вам рассказать не смогу. Римма позволяла мне иногда сходить посмотреть на съемки, а в лабораторию сна я сама без разрешения пробиралась, приборы разглядывала. Сценарии снов читала, сами сны смотрела, особенно из прошлых лет; тянуло меня в те годы. Я стала все свои сны стараться не упускать, записывать в тетрадку. И сейчас пишу. Иногда перечитываю и удивляюсь: то сон повторится, а то вдруг окажется пророческим. Но это не по науке, а по-моему.

Я вам про сон Михайлова расскажу. Я его видела. До сих пор удивляюсь – своими глазами видеть чужие сны, – мыслимо? Вот в каком месте я работала!

Михайлову снилось, что его ведут по коридору, конвоир ведет. Вроде кактюрьма, а Михайлов заключенный. Михайлову хочется оглянуться; он знает, что нельзя, но так его и подмывает. И страшно.

Удивительно мне. Человек видит сон и думает что-то во сне, но как в фильме сделать, чтобы такие же мысли? Чтобы тоже страшно? Я помню, режиссер с оператором спорили на съемке, с какой точки снимать, чтобы нужное настроение. Чего-то добивались. Я, к примеру, тоже боялась, когда смотрела, как Михайлова ведут. Притом что самого Михайлова почти и не было в кадре. И потому, когда смотришь, то кажется, что это не он идет и дышит, а ты. Это вроде как ты утыкаешься лицом в стену и не выносишь, оборачиваешься. И видишь конвоира. У него ружье в руках, оно нацелено на тебя и мгновенно стреляет.

Потом выяснилось, что в лаборатории что-то сорвалось, грохнуло, плохо закрепили прибор. И этот внешний грохот стал во сне выстрелом. Я спросила у них, как же так, выходит, что во сне Михайлов заранее знал про грохот, ведь сон так и ведет – к выстрелу. К грохоту то есть. Мне наш профессор сказал:

– Вы, Анечка, не хуже Флоренского рассуждаете.

Он давно жил, Флоренский.

К этому сну долго искали актера. В театрах смотрели, на студиях. Но сыграл не актер, сыграл водитель рейсового автобуса. Михайлов как раз ездил этим рейсом, и лицо водителя заметил, в зеркале. И понял, вот он, из сна.

Михайлов после уже не ездил этим рейсом. Над ним посмеивались. Только не я.

Через год я поступила в историко-архивный институт на заочный, окончила, а через два года Римма ушла на пенсию и уехала в Горьковскую область нянчить внуков. Алексей Степанович не побоялся и назначил меня заведующей. Я стеснялась, что учености во мне мало, но дело делала, все были довольны.

Еще мне сон запомнился, это до меня снимали, в семьдесят шестом, но я видела, я все сны видела, чтобы карточки заполнять, всё надо было смотреть. Счастливый сон, люди там сидят за столом, пожилая женщина, и еще одна, помоложе, мужчина, тоже молодой. Женщина им из чайничка заварку по чашкам разливает. Солнечная картинка. Чай дымит в чашках, светится. Они улыбаются друг другу, ласково смотрят. Я часто смотрела этот сон, у нас-то в семье так бы не сидели, у нас друг на дружку хорошо если поднимали глаза, – я с матерью еще ничего, нормально, а братья даже не разговаривали. Нам бы разъехаться, да квартира маленькая, не разделишь. И вот я смотрела чужое счастье, грелась.

– Ты чего, – мне Римма сказала, – это же сон, они в жизни друг дружку не хуже твоих ненавидят. Их и снимали по отдельности, чтоб не загрызлись. Комбинированные съемки. Во сне любовь, наяву злоба.

Но мне-то что было до их яви, я сон смотрела, мне он годился.

Директор киноотдела Алексей Степанович Невнятов скончался в 1988 году, 26 января, во сне. Его должность занял Игорь Константинович Китайский, киновед, специалист по сюрреализму в кино, автор книг о Л. Бунюэле и Д. Линче. Встретиться с Игорем Константиновичем лично нам не удалось. На звонки он не отвечал. Его супруга неизменно сообщала, что он в отъезде.

При Китайском укрепились международные связи киноотдела. Приезжали ученые из Америки, Англии, Европы, Японии. Смотрели фильмы, читали фильмовые дела, делали выписки. Приезжали студенты-слависты на стажировку. Ничего подобного киноотделу при лаборатории снов в других странах не было и нет. Мы накопили уникальный материал. Интерес возник громадный. В то же время начались трудности с финансированием. Грозили и вовсе закрыть лабораторию и – соответственно – киноотдел. Игорь Константинович обращался к кинематографистам, объяснял ценность фильмов не только для науки, но и для кинематографа. Но денег тогда ни у кого не было. Старое здание ветшало, протекала крыша, ремонт делали своими силами, латали как могли. Погибла антоновка. Ее не спиливали, и она стояла черным обгорелым скелетом в темной зелени старого сада. В столовой по-прежнему поили бесплатным чаем (традицию эту ввел первый директор Евгений Владимирович), только стал он жидок. К чаю давали бутерброд с прозрачными ломтиками сыра, если удавалось достать для столовой сыр.

Сохранилось фильмовое дело под номером 12 867. Заведено 1 октября 1992 года. Окончено 30 ноября.

Почитаем сценарий:

Вечер, сумерки. Гремит поезд. Гремит, грохочет, летит.

Отгремел, и открылась ветхая платформа.

На платформе стоит высокий, дородный, красивый мужчина, в роскошном темном костюме. Ветер кружит, вздымает его волосы и полы его пиджака; бумажка летит по ветру.

Сумерки, разбитая нищая платформа, поле, грустный дальний огонек.

Мужчина стоит на платформе, смотрит.

Прочтем подшитую в дело расшифровку беседы, проведенной со сновидицей Ольгой Иоффе 1 октября 1992 года. Вопросы лаборанта-психолога мы исключили:

Я с этим человеком встречалась в лифте. У нас громадное здание, восемь лифтов, я там работаю курьером, у меня машина. В лаборатории яблоками платят, а они в Юг-нефти деньгами. Но лабораторию я не брошу. Совмещаю.

Утром я везу им почту, он тоже приезжает рано, и мы несколько раз поднимались вместе в лифте один на один. Мне этот сон с ним снился несколько раз, я думала, может, я влюбилась, но меня во сне нет, он там не на меня смотрит, а в поле.

Не знаю, что это может значить. Платформа мне напоминает станцию во Владимирской области, я туда ездила раньше на поезде, навещала бабу. От станции шла пешком три километра. Поле, лес в стороне, огни.

Когда вот так человек несколько раз снится, начинаешь о нем думать и при встрече внимательно смотреть.

Да, мы здороваемся.

Он на меня не смотрит. Не пялится то есть. Не напирает. Он другого поля ягода человек. Я стараюсь к стеночке, хотя места полно. А стеночки там все зеркальные.

Он высокий, плотный, чистый, пахнет чисто, цветами какими-то пахнет.

Мелкими, белыми.

Больше я его никогда нигде не встречала, только в лифте. И во сне – не встреча, я его вижу, но встречи там нет.

На станции давно не была, на машине езжу. Думала уже съездить, после этих снов. Вдруг он там стоит, меня ждет. Шучу.

Он там большой начальник у нас, но я не знаю кто.

Нет, я его просить не буду насчет съемок, ни за что. Меня вообще не приплетайте, меня там нет.

Да, костюм на нем тот же, что и в жизни.

Нет, я не буду его имя спрашивать. Ау кого мне спрашивать? Нет, не буду.

Он выходит на седьмом этаже.

Я раньше, я сразу на втором, он седьмую кнопку нажимает, там сидят все начальники.

Далее в деле подшита расшифровка второй беседы с О. Иоффе – от 2 октября. Приведем ее фрагмент:

...я сама от себя не ожидала, сегодня и сказанула.

– А я вас во сне видела, – вот так.

Он:

– Вот как?

А я:

– Вот так.

И все рассказала про сон, про фильмы; на седьмой этаж с ним и уехала и возле лифта еще стояли. Он вроде не против съемок, вот его визитка.

Наше повествование продолжит, а вернее, заключит, еще один рассказ заведующей фильмотекой Анны Семеновны. Наши вопросы в расшифровке мы по-прежнему опускаем:

...Конечно, помню. На него сразу обращаешь внимание, не пропустишь. Ходил здесь, смотрел. Типа экскурсия. Везде нос сунул. В лабораторию, к нам, на съемочную площадку, в столовой даже чай откушал. Несколько снов ему показали из тридцатых годов, не знаю зачем. Здание обошел. Надписи на стенах читал. Их еще при первом директоре выпуклыми такими буквами сделали. Я вам уже рассказывала. Как будто выступают из стены. Трудно прочесть, потому что готические буквы, а он вроде как сразу прочел. И всем был доволен, все ему нравилось. Снимался легко. Нисколько камеры не боялся.

Фильм я видела, как же; я все фильмы смотрю.

Стоит на бедной платформе в сумерках, такой важный, спокойный; и ветер вокруг него ходит.

Через неделю буквально пришел документ от городских властей, что наше здание передают Юг-нефти. Место им понравилось, я так думаю; вроде бы и не окраина, а тишина. Велено было нам убираться в течение месяца. Они только не понимали, что настакзапросто не возьмешь. Нашего Китайского весь ученый мир знал и киношники. Шум поднялся, за границей писали. Французы говорили, что если в России такому учреждению с такой коллекцией нет места, то они готовы нам выделить дом в центре Парижа. Мы смеялись. Думали, что отобьемся.

27 ноября я проснулась в тревоге. Что там мне снилось, не знаю, не помню, но чувство было тяжелое. Жарко, батареи сильно топили, и я вышла на балкон. И увидела дым. Я ведь недалеко здесь, я говорила. Сгорел наш дом. И яблони, и фильмы. В войну уберегли, а тут недосмотрели. Ходили потом по пожарищу, копались; там сработала довоенная еще система против пожара, но мало помогла. Хоть что-то вытащили, вот вы теперь читаете.

В дневнике Евгения Владимировича, первого директора киноотдела, мы нашли запись, датированную 30 января 1939 года:

Снился опять пожар.

Подробностей сна Данилова мы не знаем и не можем утверждать, имеет ли он отношение к прошлому Евгения Владимировича, к пожару, изгнавшему когда-то их семью из села Пуятино; или же он имеет отношение к будущему, до которого Евгений Владимирович, к счастью, не дожил. Или же к еще более отдаленному будущему, до которого и мы с вами не доживем.

Мы спросили Анну Семеновну, какая из готических надписей на стене ей запомнилась. «Болезнь не смертельна, если сон облегчает страдания»⁶, – был ответ.

⁶ Примечание исследователя: это высказывание приписывают Гиппократу.

Русское

1

Роберт окончил юридические курсы в Нью-Йорке и устроился в банк. Вскоре банк открыл несколько отделений в России, руководство наняло преподавателя для занятий русским языком, и Роберт преуспел. Его родители эмигрировали из России, точнее из Советского Союза, в 1979 году. В раннем детстве они говорили с ним по-русски.

В сентябре 2016 года Роберта отправили в командировку в Москву.

Нэнси, его жена, растерялась. Купила ему в дорогу шерстяные носки, шарф, меховую шапку. Роберт сказал:

– Да ты что, сентябрь, там сейчас прекрасная погода. Они сели вместе за компьютер, он любил ей показывать.

Посмотрели погоду в Москве, посмотрели виды.

– Прекрасный город, а вот отель, где я буду жить, в самом центре, обрати внимание на прохожих, нормальные люди, смеются; кафе, сидят за столиками, все равно что где-нибудь у нас, только все белые, а нет, сидит азиатка, и девушка за стойкой тоже азиатка, видишь, все прилично; я позвоню тебе, как только приземлимся, и потом, уже вечером, из отеля еще раз позвоню, поговорим, я тебе покажу свой номер по скайпу; не волнуйся, даже если выпадет снег.

Носки и шапку она все-таки запрятала ему в сумку.

Роберт позвонил ей из аэропорта Кеннеди, сказал, что уже идет на посадку, настроение отличное.

– Ты ужинала?

– Нет, мне скучно одной ужинать.

– Сходи в кафе. Сходи к Гарри, в прошлое воскресенье мы у них были, помнишь? Креветки, они были в меню, попробуй. Все, отключаю телефон. До скорого.

Десять часов до Москвы, без пересадки.

Ей было странно, что он летит в дальнюю даль, на другой конец света, о котором ей все представлялось, что там зима, метель, висит фонарь на железном крюку и мотается на ветру.

Нэнси любила раз и навсегда заведенный порядок их жизни. В одно и то же время Роберт приезжал с работы (восемь после полудня), одни и те же слова говорил, скинув туфли («наконец-то»), один и тот же сериал они смотрели перед сном вот уже шестой год.

Сериал она включила, отвлеклась.

Через десять часов Нэнси сидела за столом и смотрела в черный экран айфона, как в черную воду. Вода была неподвижна. Роберт как будто в ней сгинул.

Нэнси нажала на круглую кнопку, экран осветился. И вновь погас. Через несколько минут она открыла ноутбук, вошла на сайт аэропорта и увидела объявление о том, что рейс, на котором летел ее муж, исчез. Она разрыдалась, бросилась искать телефоны на сайте, ничего не смогла найти, ничего не понимала, не видела. Надела кроссовки, захватила сумочку и побежала. У лифта опомнилась, вернулась за айфоном. Высморкалась. Вызвала такси.

В аэропорту ей объяснили, что исчезли все рейсы в Россию. До Москвы, до Санкт-Петербурга, до Екатеринбурга с пересадкой в Москве и до Тюмени с пересадкой в Москве.

Служащая за стойкой говорила тихо и спокойно. Нэнси смотрела, как двигаются ее губы. Служащая замолчала. Нэнси постояла и отошла. Огляделась. Люди стояли, сидели, наверное, в ожидании своих рейсов. Пожилая чернокожая женщина смотрела неподвижным взглядом, багажа при ней Нэнси не заметила. Подошла к ней, наклонилась.

– Простите, у вас тоже кто-то полетел в Россию?

Женщина посмотрела на Нэнси изумленно.

– Нет.

– Извините.

– С вами все хорошо?

Нэнси опустила на корточки и расплакалась, закрыла ладонями лицо.

Ее окружили, принесли воды, помогли сесть на место рядом с Марией (отчего-то Нэнси решила, что чернокожую женщину зовут Марией), утешали, что это какой-то технический сбой. Нэнси показывала черный неподвижный экран айфона. Подошел маленький седой мужчина, сказал, что тоже ждет вестей из России, и посмотрел на часы. Из рта его пахло мятой. Нэнси сказала Марии:

– Не хочу, чтобы вы уходили.

– Я не уйду, – отвечала Мария.

Что-то объявляли, Нэнси пыталась понять, расслышать. Айфон молчал.

– Взять тебе кофе? – спросила Мария.

– Не уходите.

– Я вам принесу, – радостно, как показалось Нэнси, вызвался молодой человек, он сидел напротив.

Молодой человек вернулся со стаканчиками, Мария начала пить из отверстия в пластиковой крышке, а Нэнси держала свой стаканчик в руках и растерянно смотрела на молодого человека. Глаза у него возбужденно блестели, он горячо говорил, что не только из аэропорта Кеннеди пропали вылетевшие в Россию самолеты. Из аэропортов всего мира пропали. И дозвониться никому в России невозможно, ни частным лицам, ни организациям.

– И главное, их даже из космоса не видно!

– А что же там на их месте? – кто-то спросил.

– Не знаю. Ничего. Слепое пятно.

– Вроде тумана?

– Не знаю. Непонятно.

И все посмотрели на Нэнси и отвели глаза. Глаза и нос у Нэнси были красные.

– Ты пей кофе, – сказала ей Мария. Нэнси опомнилась и выпила кофе.

Мария взяла из ее неподвижной руки пустую картонку и выкинула в урну.

Молодой человек сидел напротив них и таращился в маленький экран смартфона, наклонялся к нему близко, и лицо освещалось сиреневым бледным светом. Мертвый свет, думалось Нэнси. Пальцы молодого человека скользили по экрану. Вдруг Мария поднялась и пошла по проходу. Нэнси вскочила и бросилась догонять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.